

Николай Ольков

Земля и воля

Собрание сочинений. Том 15

Николай Ольков

**Земля и воля. Собрание
сочинений. Том 15**

«Издательские решения»

Ольков Н. М.

Земля и воля. Собрание сочинений. Том 15 / Н. М. Ольков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835624-7

Для сибирского крестьянина не было слов и понятий более дорогих, чем свобода и земля. Без того и другого — гибель. Этот роман о том, как горстка крепких крестьян вступила в противоборство с властью, когда НЭП был заменен сплошной коллективизацией. Полтора десятка семей ушли тайно в глубину тайги. А потом война...

ISBN 978-5-44-835624-7

© Ольков Н. М.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Глава пятая	34
Глава шестая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Земля и воля
Собрание сочинений. Том 15
Николай Максимович Ольков

*Этот роман посвящаю моим родителям, Максиму Павловичу
и Марии Ивановне, а так же и второй моей маме, Марии
Никандровне, которая после смерти родившей меня
растила и воспитывала, как родного сына.*

© Николай Максимович Ольков, 2016

ISBN 978-5-4483-5624-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Мирон никому не сказал, отчего так спешит, вроде и время зимнее, спокойное, и вопрос он для отмазки придумал не спешный, но то и дело шевелил вожжу, и этого Ворону хватало, чтобы ускорить шаг. Когда въехали в уездный центр, конь споткнулся и раза два терял дорогу, ладно, что ездовых мало навстречу. Мирон похолодел: загнал коня! Тихой рысью сдерживал, подвернул к дому купца Колмакова, на лай собак вышел работник, гостя признал, завел лошадь во двор.

– Охрим, распряги, поводи чуток и в теплую конюшню, не дай бог – загнал красавца.

Охрим скинул сбрую, правым ухом припал к груди лошади, долго слушал, поднял голову, улыбнулся:

– Оклематся, ежели бы загнал, в грудях у него сильный был бы стук. В тепле протру, да болтанку сделаю, да настоев добавлю. Я, Мирон Демьяныч, с того света лошадой добывал, так что не горюй. А вон и хозяин.

Мирон вынул из кармана щепотку мелочи и высыпал в шапку Охрима.

– Портишь мне работников, балуешь, на них потом управы не найти. Долго ехал? Конь вроде добрых кровей? – на крыльце стоял хозяин Емельян Лазаревич, дородный мужчина в накинутом на плечи дорогом меховом пальто и с сигарой во рту.

Гость рассказал. В двух местах ночевал, коня управлял сам, давал выстойку, потом теплой воды из избушки, а уж потом сена охапку и торбу овса. Пучком сенной объеда насухо вытирал мокрые бока своего любимца Ворона, трепал по шее, совал в ищущие губы кусок припасенного хлеба. Пять годов не расстаются. Сам жеребенка принимал, на руках уложил на попону перед матерью, та все еще лежала, но обязанности свои знала, потянулась мордой к дитенку и начала вылизывать. Черный, на ногах высокий, шея длинная – красавец жеребец. С полугода стал бегать с матерью, если хозяин не далеко ехал. К двум годам познал седло и оглобли легких санок. А с трех стал первым на конюшне Мирона Курбатова.

В уезд погнала страсть мужика к новинам в крестьянском деле, прочитал в губернской газете, что деловые люди закупили в известных им местах новый сорт озимой ржи, и так ее хвалили, так хвалили: терпеливо зиму переносит, даже если и снегом не особо прикрыта; с первым теплом оживает и в рост идет справно; буйно кустится и колос выметывает большой, а озерненность колоса до тридцати штук. Поехал сразу, чтобы опередить конкурентов, кто ближе живет, могут все поступление скупить, а потом возьми у них втридорога.

Вошли в дом. Сразу пахло жаром прогретых печей, Емельян Лазаревич любил тепло. В отведенной комнате снял Мирон плотную пуховую рубаху, теплые, мехом подшитые штаны, одел все свежее и легкое, умылся под рукомойником, красивая девка с улыбкой подала руко-терт, дождалась, пока гость, любуясь ее статью, вытер лицо, шею, грудь за распахнутой косо-вороткой. Высокий, с русой шевелюрой густых волос, гладко выбритый – и она им невольно любовалась. Глаза у гостя голубые, завлекательные, губы ядреные, такой присосет – не враз оторвешься. И голос бархатный, словно не из деревни человек, а от театра в гости зашел.

Хозяин уже сидел за столом, разливал в хрустальные рюмки темный и ароматный коньяк. Две девки ставили приборы, принесли из кухни гуся, который, кажется, готов был взлететь из гусятницы, да мешали яблоки, облепившие со всех сторон. Налили по тарелке густых щей со свининой, щи, видно, долго прели рядом с загнеткой, от запаха Мирон сглотил слюну.

– Давай, Мирон Демьянович, по рюмке настоящего французского коньяка. С меня мусье сорвал за двадцать ящичков, вспомнить страшно, но знатоки есть, берут.

Полчаса ели и пили, изредка перебрасываясь незначительными репликами. Мирон знал манеру хозяина: настоящий разговор потом, а сейчас надо хорошо покушать.

– Полагаю, что у тебя серьезный повод для столь дальней поездки? – тщательно обиходив рот, выйдя из стола и раскуривая сигару, спросил Колмаков.

Мирон тоже встал, перекрестился и ответил:

– Совершенно серьезный, но ты сначала обрисуй обстановку. До меня газеты и слухи доходят одновременно, так что не сразу и разберешь.

Емельян Лазаревич засмеялся:

– Ты в газетах правду не ищи. Даже в той, которая так и называется. И я тебе ничего не стану рассказывать. У меня беда в торговой лавке, бандиты вчера чувал разобрали и добрались. А на вечер я пригласил своего хорошего знакомого, он в Петербурге университет окончил, грамотный, а когда там шумиха началась, вернулся на родину, сюда. Власти приняли, грамотных-то среди главарей нет, а ведь город, уезд, тут тебе не наганом по столу колотить, хотя и это есть. И теперь он в большевиках, как бы тебе не соврать: председатель исполкома, то есть, исполнительного комитета от советской власти.

Мирон поднял глаза:

– И он с тобой дружит?

Колмаков поднялся, прошелся по комнате. Мирон заметил, что сдал старый друг, сутулость появилась, седина в голове, глаза потухли, хоть в речах и озорство. Жену два года назад схоронил, может, потому и девок полный дом держит. Заметил, что смотрит Емельян на большой портрет жены своей Домны Ерофеевны, мешать не стал. Хозяин положил погасшую сигару в хрустальный ковчег:

– Мы сошлись в первые дни его приезда, родителя его знал, милейший человек. Но – бедны. Я дал тогда парню пачку денег, сказал, что сочтемся. С этого началось. Деньги он уже предлагал, да к чему они мне? Ты увидишь, это интересный человек. Зовут его Всеволод Станиславович, фамилия Щербаков. Заучи, чтобы не перепутать. И отдохни с дороги. Зина, постели гостю на диванах, а я в нижнюю лавку.

Та самая девушка, что встретила его в передней, принесла белье, закинула диван и рядом положила плед.

– Отдыхайте.

– А ты уходишь?

Зина улыбнулась:

– У меня работа, барин.

Мирон засмеялся:

– Какой я тебе барин? Я крестьянин из дальнего села, приехал по делам. А тебя раньше тут не было.

– Да, я полгода служу.

Мирон осторожно тронул ее плечи:

– Или останешься? Такая ты славная! Я хозяину ничего не скажу.

– Это вы с ним потом поговорите, он скажет, что и как. Все, пошла я.

Мирон лег ничком, раскинув руки и подложив широкие кисти под правую щеку, предварительно пригладив волосы. Уснул сразу.

Охрим водил уставшего жеребца по ограде, места много, да и за ветром, потом мягкой попойкой протер вздрагивающего коня, тот уже чуток попил его настоев, теплой сырой воды и лениво жевал ядреный овес, который зачерпнул конюх из прихваченных запасов. «Досталось тебе, Вороной, знать, большая нужда гонит хозяина».

Никому не сказал Мирон, но было еще одно дело, поважнее ржи: брат его Никифор в двадцать первом связался с повстанцами, шибко нигде замечен не был, но под суд попал, дали десять лет принудиловки. И вот прислал весточку: надо хлопотать в уезде, в суде, чтобы пересмотрели и освободили, сил больше нет. Другу своему Емельяну пока решил ничего не говорить, только знакомство его с таким большим начальником заставит поторопиться, потому что

сегодня, именно сегодня и надо о брате разговор завести, завтра Щербаков в гости уже не придет, а Мирона к нему никто не допустит. С этой мыслью и метнулся он на широкий диван, не особо озабоченный вежливым отказом девицы.

Услышав хлопнувшую за хозяином дверь, Мирон встал, пошел в умывальню, омылся холодной водой, прогнал сон и остатки хмеля.

– Что во сне видел, гость дорогой? И как тебе мои девки поглянулись? Я их по всему городу выбирал, на все дела мастерицы, у меня порядок: три блюда к каждому столу. Вдруг какой человек нечаянно, а у меня все на столе, словно ждал.

– Продукты переводить.

– Ничто не пропадет, с той стороны дома у меня комната для столования обслуги: приказчики, грузчики, конюха – курам после них поклевать нечего. Чай сейчас подадут, а ты пройди на кухню, принюхайся, какие там ароматы. Книг им привез, по книжкам все делают, я уже больше пуда прибавил после смерти Домны Ерофеевны. Люблю поесть, и выпить тоже, только доброго вина, выстоявшегося. А гость наш явится ровно в шесть. О, вот и чай!

Девушки принесли литровый самовар, он еще отпыхивал, как усталый работник, несколько фарфоровых чайничков, по бокам красиво написано: «Индийский», «Китайский», «С душицей», «Смородинный», «Сбор трав». Емельян ухватил кусок сахара и большими стальными щипцами стал неистово кусать его на небольшие дольки. Девушки удалились. Емельян, сдавливая щипцы, аж покраснел от натуги, но промолвил:

– Знаю тебя давно, Мирон, и чую, что акромя ржи у тебя заделье есть. Не ошибся?

Мирон кивнул:

– Верно заметил.

И рассказал всю историю своего братца.

– Ты бы не мог столь высокого друга попросить о помощи? – Мирону стыдно было говорить это другу, но уж больно все удачно совпало.

Емельян, сметая крошки сахара в блюдечко, глянул прямо через стол:

– Да сам и скажешь. Он мужик толковый, если возможно – так пообещает, а вдруг не по силам ему – тогда без обиды.

Мирон угрюмо кивнул:

– Да какие могут быть обиды? Чтобы только в случае отказа он к тебе не переменялся бы.

Емельян засмеялся:

– О сем не заботься, у нас давняя дружба.

Чай пили с удовольствием, с покряхтыванием, с причмокиванием, вытираясь широкими вышитыми рукавчиками. Наконец, оба шумно отпыхнули, гость первым поставил тонкую китайскую фарфоровую чашку на блюдце вверх доньшком, потом и хозяин сделал то же, и позвал девушек. Вся посуда со стола вмиг исчезла.

– Что твое хозяйство? Растет?

Гость не сразу ответил, потому что приятно ему было порадовать друга добрыми новостями.

– Сеялки прикупил конные и молотилку с конным приводом, пара лошадей по кругу ходит, а в нее снопы развязанные бросают. Зерно в сторону стекает, а солома на проход, знай, отбрасывай. Трудно, но это – не цепями махать, как в старые годы.

Емельян Лазаревич раскурил сигару и напустил облако ароматного дыма, что-то вспомнил, засмеялся:

– Когда в двадцать первом эта буча заварилась, я уж совсем хотел все бросать и бежать в Москву или дальше. Теперь думаю порой: зря не уехал! Что-то беспокойно мне в последнее время. А ты? Как ты не ввязался в бунт, и не тронули тебя ни те, не другие? А ведь власть могла из-за брата?

Мирон улыбнулся:

– Я крепко помогал бандитам хлебом и мясом, только об этом никто не знал: ну, привезли, сгрузили, своим возчикам наказал язык как можно глубже засунуть, потому, если узнаю, своими руками отрежу. Обошлось.

Колмаков ходил по мягким коврам в легких валянных из овечьей шерсти пимах, дымил сигарой.

– А как тебе, Мирон Демьянович, новая политика? Повернулась власть к крестьянину? Мирон тоже встал, прошелся по эту сторону стола.

– Ты знаешь, что политикой я не интересуюсь, по мне – дайте волю крестьянину, не диктуйте ему, не указывайте, все равно лучше меня никто не знает, что надо на Долгих увалах делать, чтобы они хлеб родили. У меня триста десятин посево, да сто я оставляю под пар либо загоняю туда все, что можно плугом конным обработать между рядами, тут и капуста, и свекла, и картошка. Все равно земля отдыхает. Прошлым годом намолотил больше тридцати тысяч пудов, изрядно продал, семена отложил добрые, чуть не по зернышку отбирал. Налог сполна заплатил, о чем имею благодарность от уезда. Людей своих оделил, и хлебом, и сеном для скотины, и рублем. Мои работники довольные, они против хозяина никогда не пойдут.

Хозяин покашлял, придавил сигару в том же ковчеге, поднял указательный палец:

– Вот, друг мой сердечный, ты эти слова и вставь в разговоре с гостем. Да он сам тебя спросит. А потом и личную просьбу можно сказать, я поддакну.

Через несколько минут прогудел сигнал автомобиля, Емельян Лазаревич метнулся к дверям и через пару минут вошел вместе с высоким красивым мужчиной, Мирон видел их в проем двери, хозяин помог гостю раздеться, тот причесал свои и без того прилично уложенные волосы, и они вместе вошли в залу. Гость показался и вовсе молодым, только лицо строгое и голос сухой. Мирон стоял у своего стула, Емельян начал церемонию:

– Всеволод Станиславович, сегодня у меня двойной праздник, приехал из дальнего села мой давний друг, из лучших в уезде крестьян Мирон Демьянович Курбатов. Знакомьтесь, товарищи, я очень рад таким гостям.

Щербаков протянул Мирону руку, тот неловко пожал, смутившись. Хозяин крикнул обслуге, чтобы готовили стол. Мужчины перешли в кабинет. «Вот хлюст, прикидывается неграмотным, а у самого три шкафа книг», – успел подумать Мирон, но Щербаков отвлек его вопросом:

– Из какого села вы прибыли, Мирон Демьянович?

Курбатов встал:

– Из Бархатова, это самый край уезда, да и губернии. Без малого восемьдесят верст.

Щербаков посмотрел на Мирона и как бы в упрек себе проговорил:

– Да вы сидите! Жаль, не бывал в ваших краях. Как живут люди? Что говорят о нас?

Увидев смятение в глазах Мирона, уточнил:

– Я имею в виду советскую власть. В ваших краях ведь тоже было выступление против власти в двадцать первом?

Мирон едва собрался с духом, сам себя ругал, отчего столько смущения перед начальством? Но ответил твердо:

– Доложу я вам, товарищ Щербаков, что крестьяне в корне переменялись. Ожили. Стали землю припахивать, лошадей разводить, пока тракторов нету. Налог в основном сдаем сполна, даже наш сельсовет постановил: по десять пудов хлеба сдать в страховой фонд, если кто-то из мужиков не сумеет вовремя рассчитаться с государством – вот он, хлебушко, отдадим, а нерадивый позже восстановит. Так что и на всякий случай резерв держим.

Щербаков размял тонкую папироску и с нажимом спросил:

– А лично вы сколько хлеба намолотили и сколько сдали по налогу?

Мирон опять замялся: намолот огромный, но ведь каждый старается занизить, чтоб дополнительным не обложили, это он другу Емельяну всю подноготную рассказал.

– Налог доводят нам на посевную площадь, вот я за триста десятин и вывез в пользу государства, да еще сто пудов сверх того.

В дверях показалась Зина и кивнула хозяину. Тот захолопал в ладоши:

– Господа-товарищи, прошу к столу!

Мирон удивился: «Ох, вьюн, денежный мешок этот Емеля! Как крутится около важного гостя, как бы случайно, касаясь его руки, плеча. Почти поет!».

– Всеволод Станиславович, дорогой, откушайте кусочек нежной козочки, третьего дня мужики привезли. А тут лосятина в соусе, во рту тает, а сии котлеты – медвежатины, вкус – во всей губернии не сыскать. А ты, друг мой Мирон, отчего притих? По рюмке русской водки под мясо, а потом разберемся.

Некоторое время все молчали, осторожно звенели столовые приборы, Мирон очень хотел попробовать рыбу, но ждал, когда кто-то начнет первым и покажет, какой вилок надо пользоваться. Но после третьей рюмки все размякли, расслабились, заговорили. Хозяин повернулся к Щербакову:

– Каково вам работается, Всеволод Станиславович? Что нового ожидается в уезде? Слух есть, что вас, якобы, переводят в губернию?

Щербаков от души засмеялся:

– На ваши вопросы, Емельян Лазаревич, и до полуночи не ответить. Одно скажу сразу: из уезда никуда не уезжаю, хотя предложения есть. Скажу по дружбе, надеюсь, и Мирон Демьянович не станет возражать, если мы тут, за столом, по-русски, объявляемся товарищами: предложения меня не устраивают. Мне интересно содержание работы, ее влияние на жизнь людей, а предлагают сесть за бумаги начальником над тремя десятками полуграмотных женщин. Отказываюсь, но не настаивают. Хочу спросить Мирона Демьяновича: если государство через банк даст кредит на трактор, на другую технику – крестьяне поверят?

Мирон отложил вилок, отхлебнул холодного кваса, кашлянул:

– Если руку на сердце – мы только-только очухиваемся от продрозверстки, когда нагнали на нас всю чухню, которая и по-русски-то пары слов не вяжет. А потом двадцать первый год. Сначала мужики перебили всех коммунистов и комсомольцев, потом войска тоже не шибко разбирались, по деревням из пушек били. Я это к тому, товарищ Щербаков, что после усмирения каждый мужик в деревне стоя спал, у каждого сухари на полатах были припасены. Так или по-другому, а все были замараны. А почему? А потому, что доведен был сибирский мужик до края, а человека на край ставить нельзя, он тогда опасный. Вот и у нас. А когда власть одумалась, ввели правильный налог, не скажу, что легкий, но твердый, лишнего не возьмут. Тогда мужик стал смелеть, я уж говорил, что расширять стали хозяйства, лес сводить и землю в оборот. Нынче хлеба свезли столько, что моих мужиков с последним возом чуть назад не отправили: некуда ссыпать. Разве такое было когда? Три последних года трудящийся мужик хорошо окреп, судьбу за бороду ухватил. И кредиты будем брать под подильный процент, и технику покупать. Я сразу бы трактор взял, край нужен.

Емельян поднял руку:

– Мирон, друг, да я тебе на трактор без процентов дам!

Мирон улыбнулся:

– Емельян Лазаревич, вот при товарище Щербакове скажу: как только в дружбу вмешались деньги – дружба делается частью коммерции. Если мне государство предлагает – зачем я буду в карман другу залазить?

Щербаков засмеялся:

– А ведь крестьянин прав, Емельян Лазаревич! Вы очень верно мыслите, товарищ Курбаков.

Мирон встал:

– Тогда разрешите еще один вопрос с вами попробовать решить. Говорили мы о восстании, брат мой младший попал в бандиты, у меня не спросясь. Года два бегал, потом ко мне пришел, я посоветовал идти в органы с повинной. Сказано: согбенную голову и меч не сечет. И грехов за ним вроде больших не нашли, а вот за прятки отвели ему кусок тайги на десять лет. На днях переслал весточку: брат, проси советскую власть, я отработаю на родной земле, а здесь сдохну, потому что морозы и голод.

Щербаков отпил глоток коньяка:

– Сколько он отбыл?

– Половину.

– Пишите от его имени бумагу в суд, они направят запрос по месту отбывания наказания и этапируют брата сюда. Я ничего не обещаю, но скажу, кому надо, чтобы рассмотрели положительно. Теперь, надеюсь, он не враг советской власти?

Мирон радостно махнул рукой:

– У меня не забудет. Откормлю, сразу оженю, домик у меня есть на этот случай, в хозяйство впряжется...

– ... да молодая жена! – со смехом добавил Емельян.

Курбатов добавил:

– Одним словом, товарищ Щербаков, я за него головой отвечаю.

– Договорились. Но у меня еще один вопрос по крестьянской линии.

В это время осторожно вошла Зина и что-то шепнула хозяину. Тот резким движением выдернул запроваленную под ворот салфетку, встал, извинился перед гостями и вышел. Но вернулся скоро, добродушно улыбаясь:

– Скажите, друзья мои, кому я что плохого сделал? Вчерашней ночью воры забрались в магазин, правда, вынесли самую малость, потому что через чувал. Представьте, господа: печь топлена, чувал горячий, как они там лезли – ума не приложу! Приди, попроси, Колмаков еще никому не отказывал.

Мирон не вытерпел:

– А теперь-то что?

Колмаков махнул рукой:

– Скирду сена на заднем дворе подожгли, негодники, ладно, Охрим в конюшне был, твоего коня обихаживал, в окне отблески увидел, поднял мужиков, снегом закидали. Но сено, конечно пропало. А какое разнотравье было: и клеверок, и овсяночка, и визилек молодой, да люцерна с викой, да тимофеева трава.

Мирон улынулся:

– Переживешь. Надо будет – я тебе пару возов лесного сена отправлю. Извините, Всеволод Станиславович, сбил наш разговор хозяин с этим пожаром. Вы что-то хотели спросить?

Щербаков словно очнулся:

– Да, хотел услышать ваше мнение, потому что вижу в вас думающего и расчетливого крестьянина. Сколько в вашем селе хозяйств, которые сеют больше ста десятин?

Курбатов прикинул в уме, ответил осторожно:

– Немного. Пожалуй, десятина полтора.

– А иные?

Мирон тщательно подбирал слова:

– Кто как. Многие сеют для своих нужд, кое-что продадут на потребу. А если в хозяйстве одна лошаденка да соха вместо плуга, а из работников только сам хозяин, остальные детки малые да баба больная, то и пяти десятин не поднять.

Щербаков поднял сухие серые глаза:

– А чем же они живут?

Мирон признался:

– С хлеба на квас. Но мы, товарищ Щербаков, помогаем обществом.

– У вас сколько людей работает?

– По разному, зимой только со скотом, весной поболее на посевной, а в жатву человек пятьдесят. Но я плачу, как положено, мои работники премного довольны.

Щербаков встал, прошелся по комнате. Хозяин притих, понимая, что разговор серьезный.

– А согласились бы вы взять себе под крыло мелкие хозяйства, бедные? Взять их землю, их инвентарь, а их считать не работниками, а вместе с вами и даже под вашим руководством тоже собственниками, хозяевами?

Мирон тоже встал и посмотрел в лицо председателя:

– Вы же понимаете, что добровольно на это никто из хозяев не пойдет.

Щербаков махнул рукой:

– Да понимаю... Но мы должны найти новую форму организации деревенского труда. Советская власть не может допустить, чтобы половина крестьян богатела, а неимущая часть – голодала. Конечно, решения есть, и самое примитивное – отнять у вас и раздать им.

– Проедут или пропьют, – сурово ответил Мирон. – Вы поймите, товарищ Щербаков, беднейших крестьян наших тоже нельзя одним аршином мерить. Есть такие семьи, что могут робить, да нечем. Им бы пару лошадей да пару быков, да корову на пропитание – они оживут. А есть просто ленивые по природе, и дед путем не робил, и отец, и детки такие же. Я дал им лошадь, семена, они до июня пахали, потом сеяли, а осенью я подъехал к этому полю и чуть не заплакал: кочка на кочке, там пучок пшеницы, там второй. Велел отобрать лошадь, а они ее уже продали. Вот что ты с ними будешь делать?!

Щербаков улыбнулся:

– Но это наш народ, наши люди, мы же не можем бросить их на произвол судьбы!

– Какой судьбы! – резко возразил Мирон. – Если человек собрался утопиться, никто его не спасет. Так и они. Я не знаю, кем их определить, только это – не крестьяне. Само по себе, что в деревне живешь, еще крестьянство не определяет.

Щербаков кивнул:

– Это вы точно заметили. У вас в селе есть коммуна?

– Была. В восстание всех коммунаров бандиты согнали в общественную баню и сожгли.

Щербаков кивнул: «Знаю». И после долгого молчания поинтересовался:

– А вы не пытались разобраться в природе такой ненависти, такой жестокости? Коммуна – это один из путей жизни деревни. Почему повстанцы напрочь отвергли этот путь?

Мирон много чего знал о коммуне, и понимал, что не все надо говорить этому человеку. Но главное сказал:

– Государство коммуну сразу поставило выше крестьянина. Вот где была главная ошибка. Трактор – им, семена – им, электростанцию прислали рабочие с Ленинграда – опять же в коммуну. Хлеб они не сдавали, самим едва хватало, скот не держали, за ним работы много. Да они открыто смеялись над единоличниками, что те робят, а жрать нечего, все в налоги. Это самая главная причина ненависти и мести жестокой.

Хозяин молча сидел в кресле и держал во рту давно погасшую сигару. Такой разговор его пугал. Щербаков улыбнулся:

– По вашему, советская власть собрала в коммуны всех лодырей и бездельников?

Мирон взорвался:

– Так, товарищ председатель, оно изначально так было задумано. В коммуну не брали, если ты хозяин, в коммуну собирали беднейшее крестьянство, я даже помню, один уполномоченный сказал, что оно, беднейшее, есть опора советской власти в деревне. Я тогда подумал, что это провокатор какой-то, нет, партийный из уезда. Как может быть опорой то, что само стоять не может?

Щербаков сел в кресло, вытянул ноги, плеснул в ладонь коньяка и протер виски:

– Извините, очень устал сегодня. Но разговор продолжим. Мирон Демьянович, посмотрите вперед лет на пять. Что будет с вашим селом? Куда пойдет сельское хозяйство?

Мирон, конечно, знал ответ на этот вопрос, сам с собой и другими крепкими хозяевами не раз толковали об этом. Мирон верил, что нынешняя политика сохранится навсегда, но некоторые возражали: не потерпит власть обогащения одних и обнищания других. Были и такие, кто советской власти верил, но за ее спиной видел новую силу, партию большевиков, а у них ненависть к буржуям всех мастей с самого рождения. Они против бога, против наемного труда и против частной собственности. Партию пока не очень видно, бумаги в основном идут из исполкомов, а что, если она выйдет на первое место? И Мирон решил развернуть разговор:

– Товарищ Щербаков, вы председатель исполкома и большевик, руководитель советской власти и в то же время член партии большевиков. Как это понимать?

Всеволод Станиславович едва скрывал удивление:

– А что вас в этом смущает? Партия совершила революцию и создала советскую власть. Власть от слова совет.

Мирон грустно улыбнулся:

– Да, когда продрозверстка шла, один чужак наш кричал, что не может советская власть издать такой указ, что весь хлеб выгрести из сусека, потому что она происходит от слова совесть.

– И отняли у него хлеб? – осторожно поинтересовался Щербаков.

– Его чуваш из продотряда прямо на мешках застрелил.

– Да, помню такой случай. Но вернемся к партии. Она вырабатывает тактику и стратегию хозяйственного строительства. Сейчас остро стоит вопрос о деревне. Вот вы, Мирон Демьянович, возможно, первый виденный мною настоящий деревенский капиталист. Когда партия принимала решение о введении новой экономической политики, когда она признала продрозверстку грубейшей ошибкой после массовых и весьма опасных выступлений крестьян, так вот, тогда партия понимала, что она идет на серьезный политический риск, товарищ Ленин прямо сказал: «Либо мы их, либо они нас».

Мирон не понял:

– Кто – кого? Кого конкретно имел в виду Ленин?

– Меня и вас. Либо я, большевик, разверну дело в деревне таким образом, что все будут трудиться и результаты делить в соответствии с вложенными усилиями, либо вы заставите со временем всю деревню работать на вас. Я понятно излагаю?

Мирон кивнул:

– Да уж куда понятней! А я до сегодняшнего дня был уверен, что делаю свою работу во благо государства, России, стало быть.

Щербаков поправил:

– Точнее бы сказать: Советского Союза.

Курбатов словно очнулся:

– Значит, следует ожидать перемен. Может, зря я за новыми семенами спешил? Разведу добрую рожь, придут Серега Раздорский с Афоней Синеокиным, и все заберут.

Щербаков понял, что высказал лишнее, поспешил в пылу спора, и попытался смягчить возникшие у крестьянина догадки:

– Мирон Демьянович, вы говорите о крайностях. Есть же варианты, я о них говорил, вопрос тщательно изучается. А Синеокий – это фамилия такая?

Курбатов не стал заигрывать:

– Прозвище. Он какой-то несчастливый: как выпьет – обязательно синяк под глаз схлопочет.

– А почему именно он может прийти?

– Так он секретарь партячейки.

Щербаков смутился:

– Бардак в уездном комитете партии, таких людей держат на серьезных должностях.

Наконец, голос подал хозяин:

– Друзья мои, разговоры о политике, как и о боге, несовместимы с винопитием, но давайте хоть по доброй рюмке водочки. Закуска вся остыла.

Выпили. Мирон подошел к Щербакову:

– Мозги вы мне хорошо прочистили, я прямо вживе вижу, как будет гибнуть мое хозяйство.

Щербаков ответил спокойно:

– Мирон Демьянович, не надо утрировать мои слова, никакой паники, живите и работайте. Хорошо, что вы понимаете неизбежность перемен. Никто пока не знает, в каком виде эта ломка будет проходить, но она будет непременно. Вы, конечно, понимаете, Мирон Демьянович, что это сугубо закрытый разговор, мы обменялись мнениями, я вас понял, вы меня. И все остается в этой комнате.

Он вынул карманные часы и хлопнул крышкой:

– Я прощаюсь. За мной пришла машина. Спасибо за приятный вечер. Мое обещание по вашему брату остается в силе.

Хозяин пошел провожать гостя, Мирон налил большой бокал водки и залпом выпил. Было слышно, как загудела машина, хлопнула входная дверь, Емельян тоже налил бокал коньяка, потянулся с бутылкой к Мирону, тот отвел руку. Помолчали.

– Ты, купец последней гильдии, ты понял, что тебе разрешили разбогатеть временно? Понимаешь? И мне тоже. Они скоро объявят конец этому гребаному НЭПу, а заодно и нам с тобой. Красиво надрал нас товарищ Ленин: вернуть частную собственность, разрешить наемный труд. Это же значит только одно: у него не хватило ума, чтобы управиться с такой страной, урвал кусок, и чуть не подавился, а когда народ потрянул в двадцать первом, он был на все согласен, вплоть до НЭПа. Говори, ты и так весь вечер голоса не подал.

Колмаков посмотрел на друга с грустью:

– Я научен, Мирон, чем громче молчишь, тем дольше проживешь.

Курбатов вскочил:

– Уж не думаешь ли ты, купец первой гильдии, что под крылышком знакомого чиновника усидишь? Поимей в виду, у этих людей друзей нет, у них идея, а если ты под нее не подходишь – в расход.

Емельян посмотрел на гостя и приказал:

– Спать. Говорить будем завтра. Тебе которую послать из тех, что стол обслуживали?

– Зина ее зовут?

Колмаков засмеялся:

– Э-э-э! Зина моя, я женюсь на ней. Да, губа у тебя толковая.

Гость безразлично махнул рукой:

– Тогда никого не надо. Я сплю.

Они сходили на крыльцо, вдохнули свежего воздуха, Мирон разделся, достал сложенную простыню и плед, лег и сразу провалился в глубокий нетрезвый сон.

Глава вторая

Обратную дорогу Мирон не торопил коня, лежал, завернувшись в медвежью шубу, вдруг вспомнил, как шарахнулся Вороной, когда он только что сшитую шубу бросил в кошевку: остался-таки в ней звериный запах. Под шубой завернутая в чистую тряпицу Зининого приготовления колбаса, ее же каравай белого хлеба и бутылка того французского коньяка. Мирон уже сделал пару глотков: водка лучше, а всего лучше самогон тройной очистки, который готовит жена его Марфа Петровна. По ржи он договорился, как только семена поступят в уезд, сразу все отправляют в Бархатово Курбатову. По досрочному освобождению брата тоже вроде решено, такой человек, как Щербаков, зря обещать не станет. Вроде исполнено задуманное, только на душе сумно. От начала до конца вспоминал разговор с председателем исполкома, и вдруг осекся: а для чего ему вдруг потребовалось разводить такую серьезную беседу с первым попавшим крестьянином? Да, дружба с уважаемым человеком купцом Колмаковым позволяла видеть в новом госте порядочного человека, видно, и первые мнения, высказанные Миронном, понравились председателю. Вот и захотел он обкатать готовящиеся перемены на свежем человеке. Значит, не свои, конечно, варианты ломки деревни отстаивал Щербаков, просто, видно, уже обсосали и только ждут момента. Мирон похолодел: как отдать, во что вложил столько трудов, столько средств?! Земля, которую не просто так отпускала тайга, зато какие хлеба растил на ней Мирон! А гумно, не гумно, а зерновой склад, такие амбары поставил, такие навесы под инвентарь. До весны мог держать хлеб, ждать, пока цены подскочат, а уж потом обозами вез в уезд и брал свое. А скот? Каких нетелей пригоняли ему степные люди, какие коровы из них выросли, утро-вечер по ведру молока от каждой, и телочки все в матерей. Молоко жирное, купил сепаратор, от односельчан отбоя нет, сливками не разбрасывался, бил масло, хранил в леднике, где вода застывала – так умно был устроен. А зимой Курбатовское масло оптом скупали купцы, значит, тоже прибыль имели. Пилораму с американским керосиновым двигателем купил, столько лесу кругом, каждый год вырубая под пашню, пиленный лес тесом и досками уходил в уезд и дальше. А дом? Дом ведь тоже при НЭПе построил, каленый кирпич закупал, метровые стены выложил, второй этаж из сосновых бревен в полобхвата, пазы выбраны глубокие, мхом проложены – в палец сдавило. Все постройки вокруг, и избышка летняя, и для скотины ферма рубленая, и баня просторная. И это все отдать? Кому? Синеокому? Да они в одно лето все прожрут, пропьют и в продажу пустят. А что делать? Не отдать – пристрелят, как чуваш того мужика. Думать надо, Мирон, думать. Да не в одиночку. Вот так и сделаю.

На другой день, проверив все хозяйство и не найдя изъянов, Мирон вернулся в дом к обеду. Марфа Петровна сама стояла у печи, была у нее одна девушка в помощницах, да дочка, отрок десяти лет. Сыновья, трое все, по приказу отца закреплены за сепаратором, фермой и пилорамой со столяркой. У отца спрос строгий, не столько с работников, сколько с сыновей своих, которых хотел видеть продолжателями семейных дел и толковыми хозяевами.

– Марфуша, ты наставь на кухне, незачем в столовую таскать.

– Мой руки, оно и правда, на кухне и дух-от особый, и аппетит лучше.

Мирон тяжело опустился на стул, жена глянула в лицо и спросила осторожно:

– Миронущка, ай не ладно что? Вижу, ты какой-то озабоченный из уезда вернулся. Я не встречаю, мне глядеть на тебя такого больно.

Муж не хотел разговаривать, но и жену чтобы не обидеть, сказал кратко:

– Не переживай, рожь будет, по Никифору один добрый человек обещал помочь. Все складывается.

– Ну и дай-то бог! – перекрестилась Марфа. – Хлебай суп, а я жаркое выну из печи. Славно упрело, как ты любишь: свинина с капустой квашеной.

Мирон поел быстро и неохотно, только чтобы не расстраивать жену.

– Детки не вернулись из школы?

– Нету. Настенька пришла, а те строем ходят и какие-то пирамиды делают.

Мирон переспросил:

– Какие еще пирамиды?

– Тятя, это акробатика называется, друг дружке запрыгивают на плечи в три ряда, а самый высокий потом пионерский салют отдает.

Мирон сплюнул и вышел во двор. Он уже определил, с кем надо посоветоваться, и быстрым шагом вышел на улицу. Редкие прохожие приподнимали шапки и кланялись с уважением, он отвечал тем же. Первый по пути дом Семена Киваева. Звякнул кольцом калитки, вошел смело, потому что знал: кавказский кобель днем в клетке, а если с ним один на один доведется человеку – порвет на куски.

Мирон остановился и крикнул:

– Хозяин!

Семен вышел из пригона с вилами, навоз подбирал. Поздоровались.

– Ты, сказывают, в уезд мотался? Какие там новости?

– Вот ты и опередил, приходи вечером после управы ко мне, я еще несколько путных мужиков приглашу, расскажу про новости.

Семен кивнул:

– Приду, вижу, что новости не особо радостные. Угадал?

Мирон горько ухмыльнулся:

– Это кому как. Синеокому, думаю, это будет в радость, а нам с тобой... Ладно, мне еще до края села надо дойти, до Лепешина Евлампия. Да по пути в четыре дома.

Обошел всех, все дома, во дворах, все обещали прийти. Домой вернулся уставший, давно столько пешком не ходил, да зимой и работы меньше, все хозяйство в куче, отвык. Жене сказал, что придут мужики, но говорить уйдут в избушку, потому что все курят, за вечер весь дом прокоптят. А чай, если надо, на плите вскипятят, посуда там есть.

Мирон каждого встречал и провожал до места. Когда все собрались, гостей оказалось шестеро. Он глянул: вот эти мужики и составляют костяк села, большие пашни сеют, много скота держат, у того же Кирилла Даниловича Банникова по три гурта каждое лето в отгоне, мяса осенью продает большими сотнями пудов. Захар Матвеевич Смолин держит паровую мельницу и с десятков ветрянок по деревням, мукой снабжает весь край. Евлампий Фролович Лепешин лесом занят, железной дороге шпалы поставляет. Фома Гордеевич Ляпунов и Егор Кузьмич Киреев хлеб растят, тоже по три сотни десятин сеют и каждый год добавляют. У Семена Аркадьевича Киваева мастерская по выделке шкур, все шьет, от тапочек меховых до тулупов. Все мужики трезвые, семейные, детные, в жизни уверены, да и не особо озабочены иными делами, кроме своих. И вот он им сейчас должен сказать, что власть не сегодня – завтра все у них заберет и передаст бедноте? Не поверят!

– Долго молчишь, Мирон, должно быть, не шибко обрадуешь, коли по рюмке не подаешь и в дом не пригласил? – спугнул неловкую тишину Фома Гордеевич. – Сказывай, как есть, что нового узнал в уезде.

Мирон еще раз оглядел своих товарищей, кивнул:

– Новости не баски. Не буду говорить подробностей, но свел меня случай с одним человеком, очень близким с властью, и долго мы беседовали, он все выведывал, какие настроения у крепких мужиков. Я ему честно ответил, что нынешняя власть нам по душе, налог хоть и не шутейный, но это – не разверстка. И все он мне о крепких, а потом вдруг озаботился о бедноте. Я ему прямо сказал, что бедный бедному рознь, некоторым государство могло бы и пособить встать на ноги, а иным, какие рванули когда-то в коммуны и сгорели не за идею, а за лень свою, и помогать не стоит, их придется в особые дома свозить на полное государ-

ственное обеспечение. И вот он мне предлагает: ты возьми к себе десяток бедняков, с землей и скарбом, но не работниками, а подельниками своими, значит, весь доход делить на всех. Вот тогда мы деревню поднимем. Я, конечно, ответил, что ни один хозяин не пойдет на такое. Он кивнул, мол, я так и думал.

– А чего тут думать? Нашел дураков! – не выдержал Семен Киваев. Его одернули.

Мирон продолжил:

– Тогда он мне и признался, что политика эта, которая нам так глянется, что можно нанимать работников, богатеть и прочее – дело временное. Сталин теперь боится, что в Россию может вернуться капитализм. Он не сказал, что они планируют в городах, там ведь промышленники – не нам чета, а в деревне все просто: что имеешь – отдай, и сам иди в работники в свое же хозяйство. Видно, посадят сверху партийного истукана, он будет командовать. Вот таков у нас завтрашний день.

Все молча курили, даже пришлось дверь приоткрыть.

– Ничего не сказал, когда это все планируется? – спросил Кирилл Данилович.

– Прямо не сказал, но намекнул, что будет по этому поводу решение партии.

Банников возмутился:

– Интересно, а нас они спросят? Если я не согласен? А семьи? Нет, мужики, этого быть не может. Мирон, без обиды: какой-то проходимец тебе наплел, а ты нас в испуг загнал. Разве плохо государству, что оно не сеет и не пашет, а хлебушко имеет, и немалый. А так же мясо и масло – ведь все сдаем по нормам. Зачем ему нарушать этот порядок?

– Резонно, – поддержал Кирилла Захар Матвеевич. – это провокация.

Егор Кузьмич сдвинул кружок с плиты и кинул в печку большой окуроч:

– Мирон, мужик ты серьезный. Я тебя не спрашиваю, с кем ты говорил, но сам-то ты ему веришь?

– Если бы не верил, вас бы не собирал. Слово его твердое, и человек он солидный, при власти. Наша судьба мне ясна: отберут хозяйство – уберут и нас. Чтобы не вредили. Чтобы не мешали. Посадят. Сошлют. Оберут до нитки.

– Мужики, а если снова за обрезы? – робко намекнул Егор Кузьмич.

Никто не поддержал, только Евлампий Гордеевич откликнулся:

– Еще с того восстания не все вернулись. Мой брат сидит, у Мирона тоже.

Опять долго молчали, пока Мирон не спросил:

– Выбор у нас не велик: либо ждать и голову на плаху, либо придумывать что-то, чтобы опередить власти и не отдать нажитое.

– Это как?

– Чудно ты судишь.

– Как опередишь, когда все на виду?

Мирон встал, доволен, что затравил, теперь они тоже ночей спать не будут, все равно кому-то придет в голову разумная мысль. Расходились молча, но сговорились, что в воскресенье на заимке Евлампия Фроловича встретятся снова. Хозяин пообещал мяса на углях нажарить и доброй самогонки четверть прихватить.

Пужинав, Мирон сказал жене, что спать пойдет в избушку, забот много, надо обмозговать. Марфа со слезой глядела на мужа своего, шатнулась вроде прижаться, да одумалась: не до нее родному, за двое суток с лица спал, а не спросишь. В избушке Мирон откинулся на спину на жестком топчане, заложил руки за голову. Полежал, чтобы мысли устоялись, улеглись, весь день одна другую обгоняют. Теперь по порядку. Надо найти причину, чтобы сеять самую малость. Надо сообщить в уезд, что от сортовой ржи он отказывается. Семена припасенные продать, на его семена спрос будет, в амбарах замеряют и оплатят. Только золотом, никаких векселей или бумажных денег. Надо срочно отправить старшего сына к степнякам, пусть приедут, отдать им скот, они ребята толковые, ночью уйдут лесами, никто и знать не будет.

Пилораму в последний момент сжечь, не оставлять. Мыслям своим преступным Мирон усмехнулся: лишиться всего можно, а семью куда? После такой пакости власть из-под земли достанет, был бы один – как гвоздь в доску, по самую шляпку спрятался бы. В тайгу бы ушел, срубил избушку и жил бы.

Мирон вскочил с лежанки. А если всем в тайгу уйти? Так далеко, что никто никогда не найдет. Да не одному с семейством, а всем хозяевам. И все ценное извести, продать, уничтожить, чтобы Синеоким ничего не досталось. Как Ленин подло поступил с доверчивым русским мужиком, разрешив ему жить, как он хочет, а когда до края допустил, когда и в городе, и в деревне нэпманны взяли силу, партия натянула вожжи, ажно шлея в тело врезалась. Они и хотели, чтобы толковые мужики подняли хозяйство, а потом отобрать и командовать самим. Нихрена у вас не получится обмануть Мирона Курбатова, он ужом проползет, черным вороном взлетит, но своего не отдаст.

Только согласятся ли мужики? У всех ли крепкий разум на крутые решения? Все ли первое и последнее слово в семьях имеют? Мирон этого не мог знать, это домашнее, не на показ, потому изрядно сомневался. Однако сам про свое решил: так и будет, как надумал. Если кто откажется, взять слово, что до могилы молчок.

Рано утром поднял двух старших сынов, Григория и Андрея. Велел положить в стреленные сумки по шматку копченого мяса и караваю хлеба, кинуть за седла по полмешку овса и ехать к степнякам, Григорий там бывал и дорогу должен помнить.

– Помнишь? – строго спросил отец.

– Помню, тятя.

– Молдахмету на словах скажешь, что я сбываю весь скот, сорок коров, все в запуске, сорок бычков и телок годовалых. Пусть приезжает с народом и гоним тайно уводит скотину. Об условиях при встрече договоримся. Повтори.

Григорий повторил. Андрей добавил:

– Тятя, если братец что запомнит, я помогу.

Парни оседлали коней, укрепили перевязи, отец осмотрел обоих, насколько тепло одеты, проверил коней, одобрил. Открыл ворота и перекрестил. Подумал: «Началось!».

Чуть рассвело, подошел Семен Киваев. Поздравствовались.

– Я вчера сказал Фоме и Егору, чтобы закладывали свои тройки, зачем мы шесть подвод погоним?

– Верно. Они согласились?

– До слова. Харчей не будем брать?

– Нет. Евлампий с девками и охотником еще вчера уехал, надеется кабанчика завалить, есть, говорит, у него в рямю семейка. Что мыслишь по нашему делу?

Семен пожал плечами:

– Может, обойдется, Мирон? Может, этот твой начальничек тебя на испуг брал?

– Всяко может быть, – для приличия согласился Мирон, не желая продолжать толочь воду в ступе.

Через полчаса на двух тройках выехали в сторону тайги. Дорога тут была только тогда, когда вывозили шпалы, а сейчас шпалорезка стояла, и путь забило снегом. Тройки шли спокойно, спешить некуда. За версту запахло жареным на углях мясом, мужики заповодили носами.

– Вы как сроду голодные, – засмеялся Захар Матвеевич. – Сейчас по стаканчику самогонки и по куску мяса, а потом и дела наши обговаривать.

Охотник Евлампия Фроловича, похожий на бандита мужик, сидел на шкуре убитого вчера подсвинка и ел еще не прожаренное мясо, пуская по бороде дорожку сукровицы. Лет пять назад он бежал с лесоповала и вышел на шпалорезку. Там как раз оказался хозяин. Беглец подошел к нему и попросил приютить, бежать все равно некуда, никто не ждет. Евлампий

согласился, и с тех пор этот угрюмый и неприятный человек сопровождал хозяина почти везде. Как тот сделал беглому документы – никто не спрашивал.

Мужики поскидали тулупы и разминали затекшие ноги. Евлампий велел подавать мясо в дом, гости тоже пошли, отряхивая снег и клочки шерсти с кошмы в кошевках. Расселись за широкий дубовый стол, мясо вывалили прямо на большой деревянный поднос, налили по стакану самогона. Было у мужиков какое-то смущение, как заговорщики собрались. Говорили ни о чем, только после спиртного чуть расслабились:

– Собрались думу думать, тогда надо натошак, сытому толковая мысль в голову не придет. Давай, Мирон Демьянович, с тебя все началось. Не пойми, как упрек, но взмутил ты наши души. Еще раз скажи: точно будут перемены? Или мы зря сердца рвем?

Мирон отодвинул нетронутый стакан:

– У меня сомнения нет. Прежде чем вас взбаламутить, я думал, и был такой вариант: никому ничего, свое хозяйство тихонько свернуть и податься в большой город. Пока решения властей нет, я имею право распорядиться своей собственностью. Потом совестно стало: а мужики? Вместе горбатили, во всем друг другу помогали, а я их бросил. Вот и решил вас посвятить в это дело. Один ум – это один, а нас семеро, скажите каждый, где выход?

– Как хотите, ребята, не верю, что государство может вновь пойти на мужиков, – подал голос Кирилл Данилович. – Разве сие разумно? Двадцать первый год они не забыли, да и мы помним. Только маленько утряслось, и опять мужика спиной к стене?

– Да не мужика! Не мужика, Киря, а нас, деревенских непманов, а разорят нас вот именно ради мужика. Нам придумают какое-нибудь враждебное название, и наши же деревенские на вилы поднимут. Ты думаешь, кланяются тебе, в рот глядят – то от большой любви? Хрен тебе, не любовь, это от большой нужды, потому что надеются: в трудную минуту ты кусок кинешь.

Захар Матвеевич встал над столом – могучий, кражистый, сама сила:

– Мирон Демьянович, а пошто ты один не рванул от власти? Насчет того, что нас стало жалко, я не шибко верю, помнишь, я у тебя сто пудов пшеницы брал да вовремя не вернул – ты что сказал, когда приехал ко двору? Напомнить?

– Не надо. Я помню, и сие есть мое правило: взял, обещал – выполни. Но если вы сейчас откажетесь, уйду один. Вот мое предложение: уйти вглубь тайги, далеко, за Кабаниху. Парней прямо сейчас верхами отправить, чтобы леса навалили и на первый случай барак срубили. Хозяйства придется лишаться, продать, скот частью отдать в надежные руки, чтобы весной можно было перегнать. По снегу в одну ночь увезти семьи. Дорогу замаскировать, да и не пойдут нас искать, долго будут гадать, что случилось.

– А дома? А постройки? Им оставить? Сжечь, гори оно все синим пламенем! – разошелся Егор Кузьмич.

Мирон остановил его:

– Спалим – сразу определят, что вместе ушли, и могут власти поднять. И без того шуму много будет.

Семен Киваев, всегда долго молчавший, вдруг спросил:

– Бог даст, добрались мы до Кабанихи или еще дальше, барак ребята срубят, а дальше, дальше что? Сожрем, что прихватили, и наружу выползть, сдаваться?

– Работать будем, – просто сказал Мирон. – Лес изводить, землю пахать, сразу сеять, чтобы к осени хлеб был. Скот, каждой твари по паре, по насту еще надо будет пригнать на стянку нашу. До травы дотянем, а там оживут. Брать маток, стельных, суягных, супоросных. Все надо учесть, до мелочи, потому что за спичками в Бархатову не вернешься.

– А ребятишки? Их же учить надо.

– Надо, – согласился Мирон. – А разве нет у нас грамотных людей? Самому необходимому научим, а потом вывезем в город. Мужики, время против нас. Молодежь надо отправ-

лять уже на этой неделе. Верхами, с санями они угробят коней, а надо инструмент, харчи. Все продумать. Кто согласен на исход из села?

Все молчали. У Мирона даже закралась мысль, и она на мгновение показалась желанной: пусть все откажутся, он свое выполнил, дал шанс, все обрисовал, откажутся, останется один – личные дела решит в лучшем виде. Один за другим стали кивать, что согласны, только Кирилл Данилович с Захаром Матвеевичем промолчали.

– Пять хозяйств – это уже хорошо. Вы, мужики, слово держите, не дай бог кому...

– Насчет этого не переживайте, жалко только будет расставаться. Ведь, похоже, все это навсегда.

Действительно, как-то не думалось об этом раньше, а вот высказал Захар, и все приняло иной, серьезный, безвозвратный оборот. Вставали молча, одевались и заваливались в кошевки. Всю дорогу молчали. Перед самым селом Мирон остановил первую подводку, санки с обслугой Евлампия пропустили, вторые сани подошли вплотную.

– Я подробно распишу, что надо взять, прикину, сколько подвод снаряжать. Со своим хозяйством решайте, кто как знает, только тихонько, чтоб ни одна душа... Завтра вечером потемну всех сынов старше четырнадцати и холостых ко мне, сам объясню их задачу. И доверять опасно, молодняк, болтануть могут на вечеринках. Хотя уже не успеют, вечером инструктаж, день на сборы, а вечером в путь. Ну, благословясь!

Мирон сидел в своей комнатке и записывал, что необходимо взять ребятам с собой. Сухари, мясо, сало, масло молосное, крупы, соль, чай, сахар. Котел общий и по чашке с кружкой и ложкой. Ножи разные. Из инструмента: топоры, пилы, точило, напильники, лопаты снеговые. Ружье каждому с запасом патронов разных, чтоб от рябчика до медведя с лосем. Всяко бывает. Одежда само собой, каждый сообразит. Для коней по мешку овса за седло, а в тайге на тебеневку, так у степняков кони всю зиму корм из-под снега достают. Глянул на часы, вышел в зал, спросил жену, где ребята.

– Уходили в избушку, там, должно быть.

Накинул полушубок, вышел, подышал морозным воздухом. Февраль. В конце подуют метели, спрячут след конный. Спустился с крыльца, в избушке лампа горит, открыл дверь. Сыновья замолчали.

– Помешал, что ли? – улыбнулся отец.

– Нет, тятя, – ответил старший, Андрей. – Хотели к тебе идти, да прижались еще на минутку. Днем-то мы кой с кем виделись, глаза прячут, похоже, не придут.

Мирон оторопел:

– Так и сказали?

– Нет, тятя, но видно было, что прячутся.

Мирон вышел. Такого оборота он не ожидал. Четыре мужика дали слово, у каждого по два-три добрых сына. И в отказ? Уперся головой в стену, в висках стучит. Что делать? Уговаривать? Не дети, должны соображать. Но не соображают. И что теперь? Одному уходить? Или в город, а потом за границу, если совсем худо станет? Н-е-е-т, это он себя успокаивает, никуда Мирон не тронется от родных могил, от тайги и земли паханой. Пропади все пропадом, уйдет с семьей, будет на воле, будет робить день и ночь, но на себя. Ему уж три ночи кряду снился Синеокий, придет в его сон и поулыбывается. Вот так же он будет щериться, когда поведут скотину со двора, когда зерно из амбара, отборное, семенное, будут выгребать, рассыпая по ограде плоды его трудов.

Вышел на улицу, недалеко дом Семки Киваева. Стукнул в калитку, потом громко, зло. Хозяин с крыльца:

– Кого нечистая на ночь глядя?

– Отворяй! – почти приказал Мирон.

– А, это ты, сосед, – залебезил Киваев.

– В дом не пойду, незачем, да и охоты нет. Вы все в отступную, говори, чтобы мне по селу не бегать и каждого недоделанного уговаривать. Не хотите – не надо. Только передай всем: забудьте, что был Мирон Курбатов и куда-то собирался с семьей. Я не грожусь, но если зачую, что мне на пятки наступают власти, найду способ отомстить, а порука у вас с сегодняшнего дня круговая. Шестеро знают – шестеро ответят. Прощай.

И сильно хлопнул калиткой.

А во дворе кошевка чужая стоит, Андрей с Гришей коня обихаживают, под фонарем у крыльца мужчина – тулуп на перила кинул – разминается.

– Верно сказано: приходи ко мне в гости, когда меня дома нет!

– Емельян! – обрадовался Мирон. – Ты какими судьбами?

Колмаков подошел, обнялись, пошли в дом. Марфа Петровна гостю поклонилась, улыбнулась приветливо, благо давно знакомы, а мужу тихонько на ушко:

– Мироша, мы отужинали, могу только пельменей сварить.

Муж кивнул и вернулся помогать гостю раздеваться.

– Морозец славный, главное, что без ветра. Я три дня, как из дому, был в двух волостях, магазины там у меня, посмотрел, прикинул. А до тебя осталось двадцать верст. Как не доехать?

Мирон провел гостя в свою рабочую комнату, кабинетом называть стеснялся, усадил в кресло, принес теплые сухие чесанки, тот с удовольствием скинул носки, надел пимы и блаженно потянулся. Некурящий Мирон вынул из шкафа хрустальную пепельницу, гость сразу занялся сигарой, а хозяин окном, которое было основательно законопачено на зиму. Запахло пельменями, Емельян Лазаревич улыбнулся:

– Пельмени твоей Марфуши первыми будут во всем уезде, нигде похожего не вкушал.

Мирон спросил:

– Коньяк, водочку?

– Ничего. Трезвые речи будут.

Вышли в столовую, гость с удовольствием поел, поучая:

– Пельмени надо уметь есть. А большинство вообще не имеет представления. Разве можно пельмень брать вилкой? Ни в коем разе! Проткнул рубашку, весь сок вытек, и что тебе досталось? Нет. Во-первых, пельмени подают в глубоких тарелках, как и делает Марфа Петровна. Во-вторых, наполовину они должны быть залиты бульоном. И кушать надо исключительно деревянной ложкой, чтобы не обжечься и чтобы не поранить пельмешек.

Поужинали, гость встал, поклонился хозяйке и кивнул хозяину: «Пошли!». В кабинете он снова закурил, минут пять наслаждался, потом резко погасил сигару:

– Ты помнишь разговор в моем доме с господином Щербаковым. Какие выводы ты для себя сделал? Конкретно?

Мирон подробно рассказал о встречах и разговорах с крепкими мужиками, о разработанном и согласованном плане, но в последний момент все отказались от этого варианта.

– Ты считаешь, что это хорошая идея – уйти в тайгу и все начинать с начала? В ней есть один плюс, который и вскружил тебе голову: это свобода. Ты ни от кого не зависишь, живешь, как хочешь. Видно, у твоих мужиков ощущение свободы, ее цены, не воспиталось, они останутся и создадут своими хозяйствами основу будущих сельскохозяйственных предприятий. Да, интересная ситуация. На днях у меня снова был Щербаков, долго говорили, спрашивал о тебе, какие выводы сделал крепкий и умный хозяин из им сказанного. Я ответил, что мы этот вопрос не обсуждали, и тогда Всеволод Станиславович обозвал нас дураками. Он не пугал, что выдает большой секрет, за годы общения мы очень тесно сошлись, так вот, не позднее начала будущего года состоится съезд партии, на котором и будет принято решение об отмене НЭПа. Для меня это просто закрытие магазинов и добровольная сдача их вместе с товаром каким-то новым организациям. В этом случае Щербаков допускает, что меня не расстреляют, не сошлют и не посадят. Из дома, конечно, выкинут, в общем, полный кирдык, как говорят

степняки. У тебя все сложнее. Тебя будут грабить и унижать твои же работники, и, поверь мне, они получают от этого массу удовольствия. У тебя на глазах будет гибнуть все, что ты создавал. Тебя сошлют, в лучшем случае, на Северный Урал, это место назвал Щербаков. Итак, друзья отказались, что будешь делать ты?

Мирон перехватил интонацию:

– А ты?

Купец хмыкнул:

– Никаких секретов. Пока никто ничего не знает, продаю магазины, продаю дом, и под видом лечения на водах уезжаю в Крым. Вместе с Зиной. План очень реальный.

Хозяин с издевкой продолжил:

– Потом в Турцию и далее в Европу? А я так не могу.

Емельян Лазаревич встал:

– Отчего это ты не можешь? Жить в Париже или рубить лес на Урале? Что тебе милее?

Мирон ударил в стол кулаком:

– Не могу, Емельян, я и месяца там не проживу. Мое место здесь.

– Прости за ехидство, но оно будет занято.

Мирон промолчал, вроде обдумывал, как сказать:

– Тогда это просто ускоряет мое решение. Я с семьей уйду в тайгу, у меня три сына, мы сумеем обжиться вдали от властей и их реформаций. В ста верстах от уезда никто меня не будет искать, тем более, что оставляю дом и пилораму со столяркой, пусть пользуются.

Что и говорить, Колмаков неплохо знал натуру друга и предполагал, что он сделает что-то неожиданное, но уйти в глухую тайгу на пустое место, начинать жизнь заново с топора и сохи? Нет, надо употребить все свое влияние на него, подключить Марфу Петровну, хотя она против мужа и слова не скажет. Наконец, три парня. Что их ждет в тайге? А надо будет женить, какая девка пойдет в глушь? Или им бросать отца и выходить в мир? Так ведь сразу подберут ребята из ГПУ. Как ему это втемяшить? Нельзя его оставлять, он натворит столько, что потом и рад бы в рай...

– Мирон. Ты разумный человек. Тебе известно, что человек предполагает, а Господь располагает. Ну, оставим бога в покое, ему не до нас. Давай хотя бы в одном согласимся: оставаться в селе и продолжать жить, словно ты ничего не знаешь, ты не можешь. У тебя нет выбора, нельзя же считать разумным побег в тайгу. Потом, подожди, ты говоришь, что пятеро или шестеро отказались. А тебе не кажется, что они побегут впереди лошадей показывать дорогу к твоей заимке, как только мордovorот из ГПУ постучит наганом по его тупым лбам? Ах, они слово дали! Господи, прости его, он сам не знает, что творит! Все, ложимся спать, сооруди мне здесь ложе, а сам пойдешь к жене и все ей расскажи: что хозяйство продадим, соберем все денежки и поедем жить в Париж. Если она тебя не поцелует, завтра набей мне морду. Спокойной ночи!

Утром мордобоя не случилось, как и предполагал Колмаков, Марфа Петровна припала к груди мужа и робко прошептала: «Как скажешь, так и будет, Мирон Демьянович».

Чай пили прямо на кухне, молча, похоже, хозяин даже с некой обидой на гостя. Емельян засмеялся:

– Мирон, я твою натуру знаю, от задуманного ты не откажешься. И хозяйство поднимешь, и жизнь создашь вполне терпимую. Но дикое одиночество, даже поматериться не с кем. Как ребята это перенесут, а Марфа? У неё всех радостей – к соседке выскочить, вроде как соль кончилась. А дальше, дальше-то что? Ребят женить надо, опять в мир выбираться. А тут ГПУ ждет. Плюнь на эту затею, от гордыни она, а не от разума. Айда, провожай незваного гостя. Да, прости господи, заговорил ты меня сразу, я про новость забыл. Дело брата твоего пересмотрели в уездном суде и дали досрочное освобождение. Так что жди.

Мирон обнял друга:

– Спасибо тебе, Емельян.

– То не мне, Щербакова надо благодарить, так, позаочь. Он дал указание, семь человек попали под амнистию. Жди.

Седая дымка снежной пыли поднялась за умчавшейся кошевкой Колмакова, Мирон запер ворота на крепкий засов и взялся за скобку калитки, когда увидел идущих к нему мужиков. Остановился, подождал. Подошли Смолин, Ляпунов, Киреев.

– Поговорить надо, Мирон Демьянович, – несмело обратился Захар Смолин. – Мы с Банниковым в прошлый раз отказались, а теперь, оказывается, вся кампания распалась. Вчера вечером собрались мы снова, да в газете «Правда» пропечатано, что будет партийный сход или как его там, и там намеком, не напрямую, но можно сдогадаться, сказано, что главный вопрос по деревне. Вот так.

– Газетку где взяли?

– Синеокий принес ко мне домой, тычет пальцем, а там подчеркнуто, не он, конечно, кто-то грамотный пометил. Потому мысля твоя верная: сами не уйдем – увезут под конвоем. Вечером весь молодняк придет к тебе, сам с ними решай, а то бабы уже в голос ревут, отпущать не желают.

– Бабам пока не надо все рассказывать, прищемите им языки, чтобы не сгореть нам на месте. Ребят жду. Мои тоже поедут.

Мужики поклонились и разошлись. Мирон позвал десятилетнего Никитку и велел настрогать до десятка карандашей и тетрадку чистую разделить на листы: пусть записывают, что брать, а то приедут без спичек. Старших окликнул, пошли отобрали двух лошадей покрепче, кобылу и жеребца. Глянул записи тут же, в конюшне: слученная кобылка, но родит только осенью, так что выдюжит дорогу. Жеребец спокойный под седлом, зверя не боится, Мирон его на охоту брал. Собрали все, что раньше описал отец, увязали, все инструменты, кроме топоров, без череньев, в лес все-таки едут. Утром все к седлу закрепить, и в путь.

Ребят набилась полная избушка, хоть и не мала размером. Сели кто где, молчат, ждут старшего. Мирон начал с того, что парням отцы уже сказали: надо готовить место для будущей деревни. Вперед всего сделать большой шалаш с открытым верхом, чтобы дым выходил. Посередине костер, непременно один дежурный, договориться, как меняться. Мясо можно не брать, оно в лесу бегаёт. По пустякам не ссориться. Выбрать себе троих главных, за ними все права. И в любом случае из леса одному или двоим не уходить, даже если обида сердечная. Главный обоз будет в конце марта, когда снег сядет. Значит, к апрелю барак должен быть готов. Железо для временных печей будет в обозе.

Андрей и Григорий достали большие листы бумаги с чертежом барака. На семь семей надо семь клеток, ширина барака шесть, длина тридцать пять метров. Пазы утеплять нечем, потому придется рубить пазы широкие и чистые, чтобы ложились плотно. Окон не делать, только два дверных проема. Бревна не длинные, чтобы полегче ворочаться с ними, и соединять в замок. На пол и потолок колоть трехметровки пополам и стелить плотно. Под лесом из тонких сосен невысокий, в два метра, загон для скотины. Вот такая работа.

– Ребята, времени у вас мало, дорога дальняя. Многие знают Кабаниху, большое болото, вам лучше его объехать, вдруг где майны или родники. От Кабанихи уходите вглубь леса, чтобы она оставалась у вас слева. И делайте затеси на соснах, чтобы мы по вашему следу пошли. Все, ребята, запишите, что надо взять каждому, Григорий, диктуй. Завтра день на сборы, выходите ночью, чтоб никто не видел, вам надо три деревни на пути пройти затемно, а там тайга. Мы, семьи ваши, надеемся на вас, так что в добрый путь.

Своих собирал сам. Грише отдал часы, показал, как заводить. Принес круглый прибор, компас, на стеколке царапина:

– Сын, стрелка все время показывает одно направление. Я специально рисовал схему, где мы, где Кабаниха, куда вам направляться. Сразу за Ивановкой следи за дорогой и сверяй

с компасом. Дорог может быть много, мало ли куда мужики ездят. А ты двигайся на эту царяпину, чуть влево, чуть вправо – главное: направление не потерять. К Кабанихе выйдете на четвертый день, ты ее сразу узнаешь: густой камыш от самого берега. Там осторожней, кабанов много и волки рядом непременно. Ружья заряжены и на предохранителях.

Вышел во двор, еще раз все проверил, ночь не спал, в четвертом часу поднял ребят. Мать уже стояла в дверях, сдерживая слезы, потому что муж не велел, плохая это примета, когда со слезами провожают. Да разве удержишь ее, соленую, если две кровиночки твоих едут неизвестно куда, и будут среди тайги, на морозе, рядом со зверьем. Но удержалась, только позвала сынов, встали они на колени, и мать благословила иконкой маленькой.

– Гриша, спрячь за пазуху, прибудете на место – к сосенке ее укрепи, она защитница рода нашего уж, поди, века три.

Поцеловала детей и ушла с глаз. Отец дождался, когда ребята сядут в седла, поклажа мешала, еще раз все потрогал, хлопнул по спине того и другого:

– Пошли!

В полуоткрытые ворота мелкой рысью выскочили на улицу, выехали на край села, за пять минут собрались все.

«Это добрый знак!» – подумал Мирон, незаметно проводивший сынов до околицы. Мгновение – и колонна конников исчезла в темноте.

Глава третья

Легкой рысью, след в след, полтора десятка коней тихим шагом прошли лежащие на их пути три деревни, которые еще спали, и ничего никто не видел. За Ивановкой нашли едва приметный сверток, летняя лесная дорога, с полкилометра до тайги ехали шагом, по команде Андрея Курбатова меняя переднюю лошадь на последнюю. Андрей снял меховую рукавицу и тронул круп Белолобка – влажный. Подумал, что зря не уступил отцу, который советовал седлать Карего, потому что на нем каждый день возили навоз в кучу у гумна. Куча два года будет преть, а потом на поля – вот и пшеничка, и просо, и подсолнечник. Да, зря тогда Андрей заартачился, Карий шел бы сейчас влеготку.

Вошли в тайгу, сосны стоят стеной, потому снегу меньше. Остановились, коней свели в круг, вынули удила, лошади фыркали, пробуя холодный снег. Парни тоже встали в кружок, приплясывали, разминаясь.

– Никто не замерз? – по-взрослому заботливо спросил Андрей.

– Трое вон в снегу лежат, ооченели, – пошутил Сергей Смолин. Посмеялись.

Иван Киваев спросил:

– Дорогой пойдём?

Андрей кивнул:

– Она же к самой Кабанихе ведет.

– А ты посмотри, на дороге снег, а на стороне нету. Забивает ее ветром.

Андрей выскочил на обочину: верно, местами даже земля голая, ветры тут по верхам гуляют, а внизу тишина.

– Молодец, Ваньша, стороной и пойдём, коням легче.

– Пожрать бы пора, – пожаловался Федя Лепешин, самый молодой, но плотный парень.

– Все правильно, в это время мать ему блины начинает метать, в три сковороды не успеват, и приходится Федьке блин хлебом прикусывать.

– Врешь ты все, – смутился Федор.

Вмешался Григорий:

– Ребята, без обид, и под шкуру не лезьте друг дружке, нам только подраться не хватало.

Обедать будем в час дня, отец мне свои часы дал.

И опять тронулись, теперь уж где кто видел поудобнее проход. Шли даже рысью, не особо торопя лошадей. Солнца не было, серый сумрак окутал тайгу, зато без ветра. К Григорию подъехал Володя Ляпунов, они ровесники, обоим по семнадцать.

– Ты под ноги смотришь?

– Лошадь смотрит, ей шагать, – улыбнулся Гриша. – Ну, говори.

– Волчьи следы видел, раза три, вчерашние.

Володька с детства с отцом на охоту ездил, дело знает. Григорий спросил:

– Думаешь, напасть могут?

– Это только вожак знает. Вообще не должны, но коней напугать могут, где потом хохоряшки собирать будем?

– Вот видишь, что значит охотник! А я еду, лесом любуюсь, свои думы думаю.

Владимир ехидно заметил:

– Про Варьку Лепешину думки? Нет, Курбатов, просто так я тебе ее не отдам. Ты же знал, что она мне глянется – зачем влез?

Григорий вскипел:

– Брось, Ляпунов, амурь тут разбирать. Волки рядом, а он в ревность впал. Забыли разом! И ружье свое вынимай, подзови, кто лучше стреляет, распределитесь, кто впереди, кто сзади.

Крикнул, чтобы ехали кучнее, а сам уже про ночь думал. Самое тяжелое во всем этом путешествии – ночи. Костер греет только одну сторону, так что крутись. Лошадям пятую часть овса, потому что не менее пяти ночей придется проводить в пути. Отец говорил, что лучше бы расседлывать лошадей, но это всю амуницию снимать, а завтра снова крепить. Это час потерь. Да и не каждый сумеет как следует, все-таки дома отцы снаряжали.

Остановились перекусить. Решили костра не разводите и чай не ставить, поели хлеба с мясом и салом, зажевали снегом, и в путь. После обеда отвязала лыжи, уздечки соединили вожжами и пошли – половина впереди, половина сзади. Григорий наблюдал и делал заметки: многие едут без желанья, дай бог, чтобы до места вытерпели, а там в работе некогда будет слюни распускать. Несколько ребят радости своей не скрывают, что вырвались, это самостоятельные, на них надо надеяться. На лыжах разогрелись, да и лошадям легко, но скорость движения упала. Оставшиеся до нормы десять верст на лыжах до темноты не дойти. А ведь надо и ночлег готовить. Но команды снимать лыжи не давал. Все умели ходить, все бывали в тайге, зайцев гоняли в ближних к деревне березовых колках.

Володя Ляпунов тихонько окликнул:

– Гринь, глянь туда.

С верхушек деревьев сваливались шапки снега, подряд, как будто кто-то их специально сбивал.

– Это рысь, заметь, их три или четыре. У них теперь гон, случка. Еще драться будут. Конечно, голодные, когда женихи разберутся и рыси спарятся, вот тогда опасайся. Они же голоднехонькие от любви. Ты, наверно, и по себе знаешь. Ладно, молчу. На ходу она не нападет, а встанем на ночлег – можно ждать.

– Она и на человека кинется? – осторожно спросил Григорий.

– На лошадь может. Сразу в глотку впивается и висит, пока та не упадет. Отец говорил.

– А если их пугнуть?

– Можно. Нас они видят, но у них другие интересы. Давай попробуем.

Обошли колонну и выбежали вперед. Присмотрелись, качнулась вершинка, вскинули ружья, выстрелили. Рыси взвыли, камнем свалились с деревьев и быстро стали удаляться в сторону.

– Не вернуться? – спросил Григорий.

– Не должны. Я ж говорю: гон у них.

Запыхавшийся Федя Лепешин подбежал первым:

– Кого подстрелили?

– Кабанчика тебе на ужин, – усмехнулся Володька.

Стало смеркаться. Григорий пошел вперед выбрать место для ночлега. Через версту наткнулся на удобное место: широкая поляна, лес выпилен, но сучки остались, должны быть сухими. Взял толстую ветку и с хрустом сломал. Хорошо. Из срубленных сучьев сложил костер, остальные прибрал рядом, чтобы всю ночь поддерживать огонь. Подошли свои. Коней поставили кругом, уздечки связали, каждому насыпали порцию овса. Вода в котле закипела, заварили чай, Григорий предложил, пока есть хлеб, нажимать на сало, мясо потом можно и без хлеба. Договорились, что в карауле будут по двое, меняются через три часа. Часы установил на такой бой, не проспит. Наломали свежих еловых веток, устелили вокруг костра, все свободные от вахты упали и сразу захрапели.

Григорий спал чутко. Он ценил уважительное отношение отца, поручившего такое важное дело, ценил и то, что все ребята в походе сразу признали его верховенство, хотя он ни разу об этом не говорил. Вскрапнула лошадь, он вынырнул из-под еловых веток, присел. Костер едва горел. Встал, подкинул сучьев, три больших чурки, которых наготовили с вечера. Обошел вокруг – нет дежурных. Стал пересчитывать сгрудившихся ребят – спит охрана. Григорий улыбнулся: ну, и что с ними делать? Завтра перед строем выговорить? Придется. Обошел

лошадей, все спят стоя, отец учил его определять. Лошадь может спать стоя и вполне нормально отдохнуть. Ноги прямые, голова и репица хвоста чуть опущены, спина прогнута. Звякнули часы, пошел поднимать смену.

– Парни, вы ходите, так все видно и теплее. Прислушивайтесь. На коней смотрите, они вперед беду учуют. Если что – меня тихонько разбудите, стрелять не надо, кони могут испугаться, где потом их искать.

– Они домой уйдут.

– Знамо, что домой, а нам-то совсем в другую сторону.

Перед рассветом поднял всех. В костер скидали последние бревна, вскипятили воду в котле, доели хлеб с салом. Из темноты стал вырисовываться лес. Можно ехать. Григорий глянул на компас и определил направление. Днем компас постоянно доставал из-за пазухи. Решили на обед не останавливаться, пожевать на ходу, а потом спускаться на лыжи. Внезапно кони завсхрапывали, раздули ноздри, остановились.

– Ружья к бою! – крикнул Григорий. В который раз пожалел, что не взял с собой собаку. Осмотрелись, прислушались – тихо. Но лошади волнуются. По двое пошли в разных направлениях – вперед и в стороны. Условный знак – свист. Уже минут через пять кто-то слева свистнул, кинулись туда, а навстречу Митя Киреев:

– Берлога! Медведь спит, и пар идет.

– Парни, отведите лошадей стороной, да и нам тут делать нечего. Вдруг этот дурак проснется, и куда мы?

– А я бы от свежей медвежатинки не отказался, – хохотнул Ваня Киваев.

– Там, дома будем медведя добывать, без мяса пропадем, – пообещал Григорий и пошел вперед, глянув на компас. Он и сам не заметил, что назвал домом то, чего еще нет, куда только идет маленький отряд первопроходцев. День прошел без приключений, ночью стало сильно холодно, Григорий велел пилить сосны и разводить костер для лошадей. Смолистые двухметровые коротыши загорались охотно и давали много тепла, кони успокоились и дремали.

Рассвет проспали все. Григорий очнулся, вылез из лежбища, и устыдился: белый день на дворе. Совсем светло. Всем крикнул подъем, подпихнул котел со снегом к костру, опять горячий чай и мерзлое вареное мясо. Встали на лыжи, чтобы согреться, лошадей увязали цугом, Вася Банников сел на ведущего и пустил вереницу быстрым шагом.

Григорий прикидывал, сколько верст прошли за два дня, получалось, что к вечеру, если все нормально, подойдут к Кабанихе. Это шестьдесят верст от дома. Ему хотелось верить, что по двадцать верст, как говорил отец, они в день проходят. Спасала густая тайга, почти бесснежная, пушистые кроны не допускали снег до земли, потому и лошадям было легко, и на лыжах скорее, чем пешком. Кабаниха. Оттуда еще день пути, так сказал отец.

Темнело. Вверху еще светит морозное солнце, а в тайге наступают сумерки. Команде приходится жить по таежному времени, ведь надо снова обустроить ночлег. Парни привычно пилили деревья, выстилали ветки, зажигали костры для себя и лошадей. Овса осталось еще на одну кормежку. Григорий похвалил себя, что утром не пообещал ребятам к вечеру быть у Кабанихи. Его испугал выстрел. Вскочил, кинулся на шум и встретил веселую кампанию: Федя Лепешин убил глухаря. Отдал тяжелую птицу молодым для обработки, а сам хвалился:

– Мы мимо проехали, они даже не посмотрели в нашу сторону. Тогда я тихонько вернулся и одного сбил. Те улетели.

Глухаря съели до косточек, выпили всю сурпу, даже повеселели. Вечер казался теплым, определившись с дежурными, Григорий дал команду спать. Он понимал, что особенно у молодых ребят силы на исходе, вечером попросил старших молодняк в караул не ставить. Он и сам вымотался основательно, но вида не давал, понимал, что стоит ему пожаловаться, вся команда потребует отдыха. А какой отдых у костра? И чем кормить лошадей? Нет, нельзя расслаб-

ляться. С этой мыслью он укрылся полубубком, натянул на себя густую еловую ветку и уснул. Дежурные менялись сами по его часам.

Утром он с Димкой Киреевым проверил лошадей и поправил крепеж амуниции. Кажется, ничего не потеряли, все на месте. Пошел передом на своем Белолобке, быстрым шагом, переходя на рысь. Так шли часа три, Григорий давно уже ехал в конце колонны, когда раздался мальчишечий крик, страшное ржание лошади. Андрей кинулся туда. Лошадь Вани Киваева лежала со сломанной в колене ногой, сам Ваня ушибся при падении, но был на ногах. Андрей обошел с другой стороны: барсучья нора, лошадь ступила прямо в нее и не успела выдернуть ногу. Ваня плакал. Григорий подозвал Владимира:

– Надо снять с лошади седло и всю амуницию, разделить на три или четыре коня. И сразу уводи ребят.

– А ты? – спросил Андрей.

– Я застрелю лошадь, нельзя ей мучиться.

Когда колонна ушла и скрылась из виду, он подошел к лошади со спины и выстрелил в ухо. Животное дернулось, судорожно ударило ногами и затихло.

– Прости меня, Пегуха, но другого выбора у меня нет, – сказал он тихо и побежал догонять товарищей.

Гибель Пегухи всем испортила настроение, но тайга стала реже и снега на земле больше. Стали чаще менять идущего передом, у Григория сердце замирало: сейчас только Кабаниха может поднять настроение команде. Глянул на часы – третий час дня. До темноты пара часов. Если этого времени не хватит, он может думать, что ошибся в направлении, и что тогда? Даже мысли такой боялся, не только слов. Сел на коня, крикнул, что чуть выскочит вперед, чтобы не погнались за ним, рысью проехал версты три и выскочил на поляну. Впереди – стена густого камыша. Григорий заплакал: свершилось! Проехал вправо – края не видать. Ладно, заночуем здесь, а утром выйдем на южный берег Кабанихи, и от него день пути до места, названного отцом. Подъехали ребята, кричали «ура!», радовались. Большая группа пошла рубить камыш, другие выставляли в стену поперек ветра, носили сушняк и разводили костер. Сшевелили семейство кабанов, те выскочили, секач издал угрожающий вопль, ребята схватились за ружья.

– Отставить! – крикнул Федор, ходивший с отцом на кабанов. – Пусть идут, а я вон того кабанчика щелкну, последнего, чтобы папаша не заметил.

Секач еще долго рычал и нюхал воздух, потом рявкнул и кинулся вдоль камыша, буровая мордой глубокий снег, расчищая дорогу семейству. Федор выстрелил, поросенок ткнулся носом в снег и затих. Когда семейство скрылось, Федор отправил двоих за тушкой, держа наготове ружье. Обошлось. Кабанчика оснимали, выпотрошили, вода в котле только нагаяла, порезали мясо на мелкие куски, чтоб скорей сварилось, и упали на камышитовые матрасы. Федор снимал пену и подбрасывал под котел сухие сучья.

– А что дальше, Григорий? – спросил Сережа Смолин. – Далеко еще нам?

– Теперь уж рядом. Утром пойдем вдоль стены камыша, когда она повернет, мы от нее строго по компасу, если за день не дойдем, то прихватим другого.

– У коней овес кончился, – сказал кто-то.

– Молодец! – крикнул Григорий. – Все, кто свободен, вынимаем ножи и в болото, там должна быть трава, шумиха. Каждому нарезать по охапке, все равно мясо еще долго будет вариться.

Кони ели шумиху без особого энтузиазма, потому что овес им успели высыпать. Григорий посмотрел и повел еще за охапкой: утром съедят, это точно.

Наевшись мяса, стали спорить, кому идти в дежурство. Глаза слипались, а надо три часа ходить, проверять. Григорий не вмешивался, график есть график, и пошли те, чья была очередь.

Утром поднял ветер. Снег несло так, что свету белого не видно. Поехали вдоль камыша, навстречу ветру. Кони бежали легко, потому что ветер выдирал снег с берега, но время шло, а камыш не кончался. Григорий опять проехал вперед: вот он, поворот. Вынул компас: направление на ближний клин сосняка, языком выходящий из тайги. Еще через полчаса в густой тайге отдышались: ветра нет, теплее. Опять вытянулись в нитку, один за другим, быстрым шагом пошли вглубь тайги. Буреломы приходилось объезжать, терять время, зато потом вышли на кедровник, место чистое, хоть пляши. Опять прибавили шаг. Обедали на ходу вчерашним мясом, не останавливались ни на минуту. Кони, кажется, понимали хозяев, что это последнее усилие, и шли резво. Когда совсем стемнело, Григорий остановил коня, все собрались вокруг.

– Кто скажет, сколько верст мы прошли от Кабанихи?

Никто не рискнул сказать.

– Думаю, не меньше пятнадцати, – предположил Владимир.

Григорий кивнул:

– И я так думаю. Значит, надо еще пять. Такое условие старших. Потому прошу высказаться: или заночуем, или будем пробираться дальше, благо ночь месячная.

Он видел, что все уже измучены холодом и недосыпанием, но понимал, что оставаться на ночь из-за пяти верст пути нет смысла. Потому сказал:

– Едем вперед, только пять верст, это два часа всего.

Он опять уехал первым, чтобы определить место остановки, не знамо, по каким приметам, но определить: вот тут будет деревня. И сразу разгрузить лошадей, пустить их на волю, пусть добывают корм из-под ноги. Переночевать, и с утра рубить тонкие сосны и ели для большого шалаша, выгораживать укрытие для лошадей. Выехал на поляну. Ни одного деревца, с десятину ровной и чистой земли. Вот тут и быть!

Наскоро собрали костры для себя и коней, наломали лап еловых на постель и укрытие, еще раз определились с дежурными и спать. Уставшие кони копытами разгребали снег и ложились, откинув копыта. Да, им досталось. Григорий лег последним, подкормив оба костра.

Глава четвертая

Купец Колмаков хорошо знал психологию уездного обывателя. Используя наиболее говорливых людей, чаще всего приказчиков в магазинах, он жаловался, что врачи в губернском городе нашли у него страшную болезнь, а знакомый доктор с ученым званием, немецкий еврей, прибывший в Россию на заработки, сказал, что спасти его может только операция, которые делают его друзья исключительно в Мюнхене. Сам одновременно решал две проблемы: добыть разрешение на выезд в Германию, для чего пришлось отвалить приличный куш большому чину в ОГПУ, зато он лично привез Емельяну Лазаревичу все разрешительные документы на него и на Зину, с которой тот успел зарегистрировать брак, даже бумагу на провоз большой суммы в золотых червонцах. Вторая задача: продать магазины. Жалко было продешевить, а с другой стороны – органы могла насторожить продажа подряд всего имущества. Дом предложил давнему конкуренту купцу Половникову, значительно занизив цену за обещание месяца три в дом не переходить, а только через своих людей тщательно охранять, потому что продавец оставил покупателю все имущество, вплоть до посуды.

С открытием телефонной станции Колмакову одному из первых поставили телефон, среди дня позвонил Щербаков, поинтересовался, как ему новая услуга и спросил, может ли он принять его вечером, часов в семь. Колмаков с радостью согласился, но, положив трубку, в искренней радости засомневался. Ему показалась в голосе Щербакова излишняя серьезность, хотя игривым голос его никогда и не был, но неожиданность и строгость пугали. Емельян сам себя успокаивал: если Щербаков узнал, что он сбывает магазины, то это можно объяснить: продам старые, построю большой, как в губернском городе, чтобы на два этажа, внизу продукты и скобяные изделия, вверху ткани и разная одежда. Конечно, Щербакова так просто не проведешь, но не будет же он препятствовать. И вдруг Емельян похолодел: а если тому стало известно о заграничном паспорте гражданина Колмакова? Тогда нетрудно сложить воедино всю картину: продаешь собственность, чтобы вывести деньги за границу, урвать от последнего куска скудного бюджета советского государства, иными словами, нести стране ущерб.

Хозяин распорядился, чтобы ужин был в самом лучшем виде, велел приготовить новые итальянские вина, которые еще и не поступили в магазины. Убрал даже в кабинете все бумаги, чтобы они не спровоцировали вопроса о делах. Хотя о чем еще будут говорить руководитель городской власти и купец, который снабжает товарами полгорода? Велел девушкам протереть всю мебель и пол, чтобы была идеальная чистота.

Вошел Охрим, остановился у порога:

– Хозяин, там какой-то человек, говорит, насчет магазина.

– Принесла нелегкая не вовремя. – Глянул на часы – только шесть. – Успею. Зови.

Вошел молодой человек, в коридоре девушки помогли ему раздеться, великолепно покроя костюм и явно чешские сапожки выдавали в нем человека приезжего. Ни разу его Колмаков не видел. Гость без смущения поздравствовался, извинился, что поздно и прямо в дом, но человек он приезжий и для этикета не располагает временем.

– Роман Аронович! – представился он и поклонился. Хозяину ничего не оставалось, как назвать себя и пригласить гостя присесть.

– Узнал, что вы имеете желание продать магазины. Что бы вы мне могли предложить?

– Видите, ли, Роман Аронович, все зависит от ваших возможностей и наклонностей.

Не думаю, что вы захотите торговать скобяными изделиями или, к примеру, керосином. – Емельян Лазаревич не к месту хохотнул. – Можете посмотреть винный магазин, у меня поставщики лучших марок европейских напитков, от шипучих до крепких. Дело весьма прибыльное.

Гость кивнул:

– А что еще из интересного?

– Могу предложить одежду и ткани. Фуфайками мы не торгуем. Поставки московских и питерских фабрик.

– Ленинградских, – поправил гость.

– Простите, все еще никак не привыкну, да и вы своей респектабельностью как бы вернули меня в старые времена. Жду завтра в десять часов у себя в кабинете, это с правой стороны здания.

Гость, кажется, не собирался уходить:

– Но вы ничего не говорите о ценах?

Колмаков улыбнулся:

– У купцов заведено о цене говорить, когда товар видишь, а так я могу вам назвать любую сумму, все равно после осмотра будет торг и появится настоящая цена. Итак, жду вас завтра.

Гость встал, девочки подали ему легкую шубу, шапку и трость, он еще раз поклонился и попрощался.

На дрожащих ногах Емельян дошел до дивана и сел.

«Это – не купец! Это человек оттуда..., из органов, из ГПУ. Накрыли они меня с аферой, кто-то сдал, сволочи, тот же Половников, завистник чертов! Надо срочно спрятать всю наличность, как это у них называется: конфискация! Все пятаки вытрясут из кошелька! А я в Европу собрался, дурак неотесанный. В самой ГПУ взятку давал. Теперь и это могут пришить. Господи, что за времена!».

Гудок машины вывел его из панических размышлений. Опять холодно стало в груди:

«И этот неспроста сегодня, оба в один день. Вот и предложит он сейчас все бумаги на стол и с вещами на выход, а тот у машины ножку об ножку греет, чтоб он сдох, покупатель чертов!».

Но гостя встречать надо, и улыбку изобразить, и радушие. Ничем нельзя выдать смущения.

– Дорогой Всеволод Станиславович, проходите, пожалуйста шубку, Зина, прими, в передний угол, будьте любезны.

Щербаков прошел, сел, как всегда, в кресло, взял в руки газету, но и смотреть не стал, бросил.

– Пройдемте в кабинет, девушки стол накроют, – предложили хозяева.

Щербаков пожал плечами:

– Надеюсь, мы не помешаем, а, Зина?

– Конечно, нет, Всеволод Станиславович.

Сели за стол, Емельян Лазаревич разлил по рюмкам коньяк, но рука дрожала, и несколько капель упали на стол. Выпили, приступили к еде, молчали. Перекусив, Щербаков заботливо спросил:

– До меня дошел слух, что вы болеете, да и заметно это, вот коньячок расплескали. Слабость? Сердце шалит? Почему ко мне не обратились, я бы отправил в спецклинику в губернию или в Москву. А вы сразу в панику, магазины давай продавать. Нет для этого никаких оснований, такие болезни очень легко лечатся у нас в спецорганах ОГПУ. Емельян Лазаревич, я вас не для того посвящал в некоторые особой важности вопросы, чтобы вы тут же воспользовались информацией и незаконным способом получили документы на выезд за границу. Да, тот сотрудник, что совершил преступление, незаконно, за взятку оформив вам загранпаспорт и еще некоторые бумаги, уже разоблачен и расстрелян. Теперь вопрос, что с вами делать. С одной стороны, вы враг советской власти, покушались на государственную измену с нанесением ему, государству, существенного материального ущерба. С другой стороны, вы мой хороший знакомый, добрый человек, в свое время много для меня сделавший. Научите меня, как я должен поступить: забыть о долге и чести и сделать вид, что ничего не случилось? Или выполнить свой долг и отдать вас в ОГПУ? Вы слышали, очевидно, что это довольно серьезная

организация, ваш состав преступления превышает все допустимые сроки наказания, остается только высшая мера.

Емельян Лазаревич едва сидел на стуле, Щербаков налил ему стакан коньяка:

– Выпейте, а то сейчас сознание потеряете, возись потом с вами.

Колмаков выпил, немного пришел в себя.

– Говорите.

– Станислав Всевол... Извините, товарищ Щербаков, я не думал, что это преступление перед государством. Я продаю свою собственность, собираюсь уехать за границу. Это же возможно? Ну да, теперь, когда обнаружилась эта афера с загранпаспортом, понятно, что невозможно. Но я могу пригодиться советской власти. Я хорошо знаю торговое дело. У меня есть деньги. Я готов построить в центре города большой магазин, организовать его работу, у меня такие связи! Это будет лучший магазин в губернии! Мы будем работать с небольшой наценкой, и вся прибыль пойдет в бюджет уезда. А я буду получать назначенную мне зарплату.

Щербаков засмеялся:

– Хорошо мыслите, Емельян Лазаревич, по государственному. Я так и думал, что мы договоримся. И даже приятно, что вариант этот предложил не я, а вы сами. Значит, так. Все идет, как и шло до того. Вы уже не болеете и никуда ехать вам не надо. Зиночку придется огорчить, она так хотела увидеть Париж! Деньги отбирать мы у вас не будем, продавайте магазины, но дом оставьте, вам же негде будет жить. Верните Половникову задаток и извинитесь. Если он будет возмущаться, скажите, что это мое распоряжение. Закажите архитектору проект, только не жмитесь, пусть это будет настоящий советский магазин, а не барак в два этажа. И начинайте строить. Про вас в газетах будут писать, и не некрологи по случаю летального исхода от неизлечимой болезни, а с благодарностью от рабочего класса города и крестьянства нашего уезда.

Колмаков никак не мог унять дрожь, все тело содрогалось, ведь в шаге от смерти. «А что он предлагает? На мои деньги построить магазин, но я в нем не хозяин, а вроде управляющего. Каждый день выручку в банк, это как положено. А если я... Нет никаких возражений, то, что он предлагает, лучший выход, это – не каторга, не расстрел... Неужто того мужика шлепнули? Господи! Дай разума на сей момент! Надо соглашаться. Что он сказал: деньги отбирать не будут? Это тоже хорошо».

Кто-то потрепал его по плечу, Емельян Лазаревич очнулся, поднял голову. Перед ним стоял Щербаков:

– Вы часом не задремали, будущий руководитель городской торговли? Или от благополучного исхода дух перехватило? Да, вам крупно повезло, гражданин Колмаков, что чекисты сразу поставили в известность меня, и я мог влиять на события, а проскочи эта информация мимо – ночевать бы вам сегодня на нарах, а потом пару дней следствия и суд, скорый и несговорчивый. Сколько у вас осталось магазинов?

Емельян Лазаревич медленно возвращался в реальность:

– Магазинов? Минутку: два здесь и в уезде полдюжины. Но есть покупатели.

– Сегодняшнего не считайте, он чекист. А продавать не надо, ведь правительственного решения еще нет, потому торгуйте, хотя бы для того, чтобы сохранить связи с поставщиками. Там конечно, тоже будет смена руководства, но это не завтра, а старые клиенты всегда желанны и для новых начальников.

Колмаков был счастлив, сразу вернулся к делам:

– Тогда, товарищ Щербаков, как со строительством?

– Смело. Идете к архитектору, тот быстро делает проект, а вы, как грунт отойдет, начинаете рыть фундамент. Место я вам укажу позже. До свидания, Емельян Лазаревич. И не держите на меня зло. Считайте, что я вас спас от пролетарской кары. До свидания.

Дождавшись гудка автомобиля, Колмаков лег на диван и позвал Зину. Увидев мужа в таком состоянии, она испугалась, побежала за сердечными каплями, он выпил их, сел и закричал:

– Какого хрена ты мне принесла? Налей стакан коньяка, иначе я с ума спрыгну от этих перемен. Час назад был одной ногой в Париже, а через полчаса уже обеими в могиле. И сейчас не пойму, что будет.

– Дорогой, а что с Парижем? – осторожно спросила Зина, когда он выплотнул стакан коньяка.

– С Парижем? – переспросил дорогой. – С Парижем, Зинуля, все в порядке: Эйфелева башня стоит прямо, Елисейские поля засеяны и дают всходы, гильотина наточена и ждет свою жертву.

– Что ты несешь, милый!

Колмаков, наконец, дико захохотал:

– Зина, дура ты набитая, какой Париж! Меня едва не расстреляли! Все отберут, Щербаков в обмен на жизнь заставил строить магазин, милостиво разрешил торговать в оставшихся магазинах. И строить новый для государства. А я не на помойке найден, я купец первой гильдии. Он, видите ли, называет меня руководителем всей городской торговли после перелома. Да в гробу я видел эту паршивую должность! Руководитель, но не хозяин, будь они все прокляты!

Зина с трудом уложила его в постель и убрала со стола посуду. Она ничего не поняла из путаной и крикливой речи своего хозяина и мужа, поняла только, что все остается по-прежнему, что она будет и дальше тайком убегать на конюшню к конюху Мише, который обнимает так, что трещат жерди на кормушках и всхрапывают дремавшие жеребцы.

Глава пятая

Семеро заговорщиков, собравшихся тайно от общества и властей покинуть село, поздно ночью собрались в избушке Мирона. С уходом отряда из пятнадцати сыновей мужики стали дружнее и сговорчивее.

– Я тут кое-что переписал, что надо с собой брать, но все не упомнишь, потому слушайте и потом будем дополнять, – начал Мирон. – Думается мне, что на семью по паре саней надо под все необходимое: одежду, муку, посуду, флягу масла постного да по ящику молосного. Все, что касается домашнего имущества, пусть бабы понапишут, ведь вплоть до иголки надо. Это их дело. А по хозяйству: на сани плуг, борону, цепи, решета, жернова, передок и задок от телеги с колесами, телеги там соберем. Топоры и пилы дополнительно. По мешку соли и сахара по несколько голов. Семена пшеницы и круп, огородных овощей, а вот картошку как довести – думать надо. Заморозим – пропадем без картохи. Литовки, вилы, грабли там сделаем, железа листового для печей, круглого для граблей. Гвозди.

– Струмент нужен весь в комплекте, раму связать, дверь собрать, – озаботился Семен Киваев.

– Верно.

Кирилл Банников подсказал:

– Горно бы надо прихватить да наковальню с кувалдой.

Семен Киваев посоветовал:

– Вот ты, Данилыч, и попросил бы у кузнеца Федула Федуловича.

Банников покачал головой:

– У Федула не взять, а вот у кума моего на гумнах есть маленькая кузница. Может, продаст?

Банников замахал руками:

– Да ты что, а вопросов сколько: куда да зачем? Нет, надо воровским путем.

– А ты поедешь? – спросил Захар Смолин.

– Куда деваться, поедем вместе. Ночи будут светлые, разберем.

– Надо бы вороток взять, снег сойдет, вдруг воды не будет? На первый случай скважину пробьем, потом уж колодец рыть, – заметил Евлампий Лепешин.

– Мужики, поедем мы еще по холодам, а у многих дети малые. С емя как быть? Тут оставить? – улыбнулся Егор Киреев.

– Молодец, Егор, вовремя напомнил, – кивнул Мирон. – Надо пару кибиток сделать, как у степняков. Тесовый каркас, изнутри и снаружи кошмой обшить. Можно маленькие печки склепать, если холодно будет – подтапливать.

– Да и орде тепленькое питание надо, двухлеток мерзлое мясо глотать не будет.

Мирон подтвердил: сделаем, как надо. И тут же спросил:

– Что с хозяйством делаете? Зерна много осталось?

– Дивно. На рынок вести далеко, я, к предмету, сдаю на ссыпной, рассчитывают бумажными, но договариваюсь, меняю на червонцы, – поделился Киваев.

Фома Гордеич обратился к Мирону:

– Почти у всех осталось семенное зерно, с собой не утащишь, и бросать жалко. У тебя связи в уезде, найди сбыт, оптом отдадим подешевке. Наши семена знают.

Мирон кивнул:

– Завтра доеду до красноярских мужиков, у них в прошлом году семенники дождем прихватило. Думаю, что заберут. Сколько примерно пудов?

Мужики переглянулись, пошевелили пальцами, считая десятины:

– Чуть не на тысячу десятин.

– Вот и славно. А они сеют не три ли тыщи своим селом. Завтра к вечеру обскажу. А скот? Мужики молчали. Бычков прирезали и продали, а коров жалко. Кирилл Банников предложил:

– Все едино обозом пойдет, не рысью. Может, коров с собой гнать?

– А кормить их чем? – спросил Смолин.

– Да какая проблема? Два воза сена я накладу, хватит, – обрадовался Банников.

Мирон улыбнулся:

– Вот разве мог один человек все эти предложения высказать? Спасибо, что собрались. Не у всех, но в семьях есть старики-родители. Их не обойдешь, и из родного гнезда им перед концом жизни вываливаться тоже не с руки. Что они судят?

Кирилл Банников ответил за всех:

– Мы уже судили про то, каждый со своими. Диво, но они от бесовской власти готовы хоть в тайгу, хоть на дно морское. Мой-то самый старый изо всех, девяносто стукнуло, говорит: скажи старикам: кто станет супротив, того в лес вывести и молчком с саней столкнуть.

Мужчины засмеялись. Мирон еще раз спросил:

– А в селе тихо? Никто вопросов не задает?

Мужики пожали плечами: зима, каждый дома хозяйством занимается, не до пересудов.

Мирон только проводил гостей, вошел в дом, хотел чашку чая выпить и спать ложиться, завтра, как и обещал, надо ехать в Красноярку, придумывать что-то для мужиков, отчего его сотоварищи по дешевой цене доброе семенное зерно сбрасывают, да еще накануне весны. Залажали собаки, пришлось брать фонарь и выходить на крыльцо. Было что-то не совсем приятное в этом позднем госте, но деваться некуда. Только вышел на крыльцо, понял, отчего заливаются псы: степняки приехали и, конечно, со своими собаками. Пришлось хозяину крикнуть, чтоб обождали гости, а собак своих в дневную клетку за пригоном посадить. Открыл ворота, вошли две кибитки, под уздцы заводили молодые парни, а два старых знакомых, Молдахмет и Ахмадья, вошли следом, прикрывая ворота. Обнялись.

Молдахмет сказал, что приезд сыновей Мирона сильно взволновал всех друзей: что случилось, почему надо срочно ехать в Бархатное село, чтобы выручать друга? Или заболел, или с властями поссорился, или с женой разводится?

Мирон улыбнулся в темноте, молодежь осталась управлять лошадой, хозяин показал, где в кадке теплая вода, где сено, где овес, а старших повел в дом. Хотел разбудить Марфу Петровну, но гости не дали: зачем? Чай разве сами не вскипятим, мясо в дорогу брали, лепешки. Мирон согласился, самовар загудел быстро, он достал из крайнего ящика кухонного стола плитку кирпичного индийского чая, Ахмадья от удовольствия зацокал языком. Чай пили долго, дважды доливал самовар Мирон, дважды закипала вода в гостевом трехлитровом самоваре, уже и плитка заканчивалась, когда, наконец, Молдахмет на правах старшего перевернул свою пиалу кверху дном. Немного отдышавшись и насухо вытерев лицо и бритую голову, он спросил, зачем звал давний друг Мирон своих степных друзей?

Мирон не стал вдаваться в политические тонкости, сказал только, что власть очень скоро отменит вольности и прижмет крестьянина к ногтю. Мирон и его русские товарищи, ухватившие свободы, не хотят принимать новые порядки.

– Новые – это опять революция и война? – спросил Молдахмет.

Пришлось объяснять, что никакой войны не будет, просто у богатых все отберут в пользу государства, или, как они считают, в пользу общества, потому семь семей решили не дожидаться разорения, а распродать или припрятать имущество и уйти в глубь тайги. Сейчас старшие дети, их пятнадцать человек, ушли на оговоренное место, и строят общий барак на первый случай. Мужчины готовят большой обоз с запасом самого необходимого, как только осядет снег, обоз пойдет в тайгу.

– Шибко далеко? – спросил Молдахмет.

Мирон кивнул и добавил, что с обозом не меньше недели пути. Решили уйти так далеко, чтобы власть и не подумала искать и наказывать. А почему пригласил друзей – надо сохранить коров. Возможно, если будет сравнительно тепло, часть коров пойдет с обозом, но у Мирона особые коровы, и степняки это знают, потому он просит тихонько взять скот к себе, а осенью, по приморозу, перегнать на постоянное место в тайгу.

– В тайге мало травы, где будешь сено косить?

Мирон ответил, что он надеется на болота, которые должны быть, кроме того, уже в первую весну они посеют травы на подходящих местах, семена есть.

– Скажи, друг, а к нам не придет власть отбирать скот?

Немного подумав, чтобы не показаться шибко умным, Мирон ответил, что в ближайшие годы в степи власть не пойдет. Не пошла же она сразу после гражданской войны и восстания двадцать первого года, и сейчас ей будет не до степняков.

– А потом, дорогой Молдахмет, к вам идти небезопасно, вы дружный народ, просто так свое не отдадите.

– А русский? Зачем пускать в свой двор бандита, который уведет скот и заберет твой хлеб?

Мирон пожал плечами: так получается.

– Скажи, друг, когда прислать людей угнать твоих коров? Они стельные?

– Все до единой.

– А всех сколько?

– Сорок голов.

– Говори время.

– Пятнадцатого марта приезжайте. Только не перепутай, Молдахмет, пятнадцатого марта по советскому календарю. Ахмадья, зови ребят чай пить, и спать будем ложиться.

Пока молодежь пила чай, старшие говорили о жизни, потом Мирон принес тулупы и раскинул их на полу: не первый раз ночевали эти гости, и их привычки он хорошо знал. Когда сам лег на диванчик в кабинете, напольные часы в зале пробили три раза.

Утром, проводив гостей, Мирон запряг Вороного поскакал в Красноярку. Тамошних мужиков хорошо знал, но сразу решил, что о своем исходе из села в тайгу ни слова, просто много оказалось лишних семян пшеницы у крепких мужиков. Он, Мирон Демьянович, урвал все поступление нового сорта, мужики бы и рады взять, да не ведают, куда со старыми семенами деваться. И про то, что красноярские крестьяне минувшей осенью по укоренившейся привычке ждали дозревания семенных участков, и просчитались, нежданно ударил ливень, как будто специально накрыл село и окрестности, он тоже знал. Пшеницу вбило в землю, зерно набухло, и даже сухая осень уже не могла сделать из них семена. Старики поговаривали, что есть за кем-то грех, вот бог и наказал, только и признайся виноватый – ничего уже не исправить. Скуповатые красноярские мужики, выходцы брянские и воронежские, искали поначалу семена на обмен, но никто не клюнул. Что сейчас думают – тоже неведомо, только разговор будет не простой. Единственный туз козырный в руках у Мирона – оптом тысяча пудов по цене фуражного зерна.

Подъехал к дому давнего знакомого Артема Зноенко, справный мужик, много работников держит, сеет не меньше четырехсот десятин, скотом торгует, с цыганами не брезгует общаться, те у него краденых коней на передержку ставят. Он для своих авторитет, на него будут ориентироваться те, кто помельче. Мирон постучал в ворота кнутовищем, угрюмый Артем звякнул щеколдой калитки:

– Чего зубишь, калитка, чай, не заперта, белый день на дворе. Здорово, Мирон.

– Здравствуй и ты, Артем. Поговорить надо.

– Лошадь заводить в ограду или тут постоит?

– Постоит, я ему торбу с овсом повешаю, пушай наслаждатся.

– Пошли. В дом или в избушке покалякаем?

Зашли в избушку. Прохладно. Артем кинул три полешка, поджег берестечко, живым запахло.

– Как живешь, старый друг? Хвались.

Артем улыбнулся:

– Живу и все живут, только год нынче не наш. Ты же помнишь, как нас подкупила погода.

– Помню и знаю, что ты все возможности испробовал. Не вышло?

Артем выматерился:

– Последнюю рубаху предлагали снять за семенной материал, это я в Богандинской волости сторговывался. Палачи, а не люди.

Мирон все прислушивался, где бы ему удачней влезть в разговор со своей пшеницей.

– А весной вовсе не докупишься, – кивнул он. – Только, Артем, хочу тебе предложить выручку. Я надыбал пшеницу нового сорта, и все, что выделено уезду, уже оплатил, по теплу вывезу с заготзерна. Потому предлагаю тебе и твоим мужикам тысячу пудов своих семян, ты знаешь, что я дурного не сею.

Артем было вздрогнул, а потом сник:

– Мирон, мне на тысячу не подняться, да ты и заломишь.

Мирон для солидности встал, прошелся по избушке:

– По цене фуражного отдадим тысячу пудов, можешь хоть завтра вывозить.

Хозяин насторожился:

– Чего-то я тебя не понимаю, какая корысть тебе за полцены хорошие семена отдавать? Я тебе не верю.

Мирон улыбнулся:

– Сейчас поверишь. Председатель исполкома в уезде Щербаков мне немножко в друзьях, через купца Колмакова. Вот он и распорядился отдать мне все фонды нового сорта, но с условием: старыми семенами не спекулировать, а выручить мужиков, у кого сложности. Я-то за фондовые семена платил гроши, а то, что с вас возьму, все затраты покроет и дружбу нашу укрепит. Теперь веришь?

Артем все еще был в сомнении. Подумал, что надо бы с мужиками посоветоваться, а потом вдруг ожгло: если я сам, один куплю те семена, а мужикам раздам под будущий урожай – пуд за три. Спросил:

– Тебе деньги сразу нужны?

– Назови срок, – перехватил Мирон.

– Ты держишь зерно, а я деньги кую, как наберу нужную сумму, приеду и вывезу семена. Так пойдет?

– Согласен. Но оплата червонцами, – Мирон сохранял видимость выгодной сделки.

– Только это между нами, – попросил Артем.

– Решено. Но ты мне бумагу напиши, я ведь не сам по себе, а от общества: так, мол и так, оставляю за собой тысячу пудов семенной пшеницы бархатовских крестьян с обязательством не позднее первого марта полностью оплатить и вывезти.

Артем насторожился:

– А зачем тебе такая бумага?

– Видишь, Артем, если бы мы с обществом договаривались, то и бумаг не надо, а так у нас получается частная сделка, и мне гарантии нужны. Ты откажешься, и куда я потом с этим зерном?

Артем засмеялся:

– Ох, и жук ты, Мирон, ухо держишь остро. Все, пишу, диктуй, а то наговорил мудрено.

Сложив документ, Мирон попрощался и вышел за ворота. Артем провожал, заглядывая в глаза:

– Сделка между нами, ни одна душа... Ты после поймешь мою просьбу и согласишься, что молчать выгодней.

– Да понял я, понял Артем. Бывай. Жду тебя до означенного срока.

В хорошем настроении возвращался домой Мирон Курбатов. Деньги у Артюхи есть, это он прикидывается. Сегодня же обежит своих мужиков и предложит выгодные условия, сомнений и быть не может, все согласятся под будущий урожай. А через неделю, гляди, и подводы подгонит, и деньги привезет. Так, еще одно дело решено, теперь сборы инвентаря и инструмента. Надо еще раз просмотреть список. Вот народится ребенок, у Егора Кузьмича жена в тягостях, надо будет зыбку повесить, а у нас ни пружины, ни крюка. Есть где-то на полках в сарае, надо посмотреть.

Вспомнились дети, и свои Гришка с Андришкой, и все другие – как они там? Шутка ли – отправить нигде не бывавших, мало что умеющих за сотню верст в тайгу, да еще с заданием свалить как можно больше леса, срубить барак, загончик для скота, а остальной лес нарезать шестиметровыми бревнами, чтобы подручными были. Самых молодых поставить со штыковыми лопатами кору сдергивать с сосны и ели, а потом соштабелевать бревна на лежках, чтобы подсыхали. Наказывал быть до крайности аккуратными, с корня валить только в разных местах, чтобы друг дружку не прибили спиленными деревьями. Ночью дежурных выставлять, потому что волки ходят, да и медведи, того и гляди, зачнут просыпаться. А весенний медведь быстро опасен. И тоже пожалел, что не отправил с ними собаку, тот же Трезор не пропустил бы любого зверя.

Подъехал к дому Банникова, вошел в ограду, Кирилл уже на крыльце. Внутри двора двое саней, в половину загружены всячиной. Мирон улыбнулся:

– У всех такая же картина.

– Да, похоже. Только, смотрю я, Мирон, мало на семью двух подвод. Баба как начала выгребать посереде избы, без чего ехать невозможно – я посмотрел: воз.

Мирон засмеялся:

– Сани у тебя есть, а коней соберем всех, почаще менять будем, им же легче.

– Да я подумал, что растянемся по всему фронту на полверсты, – оправдывался Банников.

– И что с того? Нам только три деревни глубокой ночью пройти, а в тайге кто нас видит? Я с тобой посоветоваться хотел. Может, мне оседлать Ворона да доехать до ребят, посмотреть, как они там, ведь месяц доходит. А мы выедем не раньше начала апреля, когда снег сядет. Как ты на это?

– Да я бы и сам поехал, тоже спать лягу, а в глазах семь—восемь.

– Передай мужикам, все наше семенное зерно, излишки, заберет Зноенко красноярский, дешево сторговались, но надо сбывать, с собой не утащишь. Пусть готовят мешки, чтобы скорей все утрясти. А я утром махну. Ты никому не рассказывай, а то обид не оберешься, ведь каждому охота.

Глава шестая

Перед сном сказал Марфе, что утром едет в тайгу, проверить, как там ребята. Она обрадовалась, а потом заплакала, поняв, что отец не привезет с собой сыночков.

– Мироша, может, хоть булочек или пирожков им постряпать? – с надеждой спросила она.

Мирон усмехнулся: «Вот дура баба! К ним пути самое малое четверо суток, да их там пятнадцать человек, это короб надо пирогов вести». Но жену обижать не стал, сказал, чтобы на дорогу мяса свиного отварила и шмат сала положила, а буханку хлеба за пазухой сохранит. С вечера подготовил Вороного и Карего, в две смены будут везти, дремать придется в седле при тихом шаге, в крайнем случае, один раз можно остановиться, развести костер, на теплой земле уснуть пару часов. И кони отдохнут. По два мешка овса приготовил на каждого, проверил Трезора, на месте ли. Спал крепко, очнулся, когда жена уже укладывала в подсумок продукты. Оделся тепло, та же пуховая рубаха, меховые штаны, новый полушубок. Тулуп и две толстых попоны, чтобы лошадей на стоянке укрыть, увязал на свободном жеребце. Ружье и мешочек с патронами, взял и короткий обрез, мало ли что? Закрепил поклажу, легко сел на Воронка и поскакал улицей, Карий, пристегнутый к седлу, налегке бежал сзади. Село мирно спало. Вот так же, только в конце января, рано утром верхом же собрался он в уезд, к обеду другого дня был у Колмакова, а тот ему новость: в уезде восстание, в Бархатовой местные мужики перебили всех коммунистов и комсомольцев, на кресте у церкви распнули молоденькую учительницу, потом кто-то сжалился, пристрелил, чтоб не мучилась. Два месяца в село налетали отряды, все искали врагов, врагов не было, тогда искали самогон, ловили женщин или просто вызывали их через посыльных в сельсовет. Дважды врывались к нему в дом, интересовались, почему он не в отряде. Мирон столь уверенно говорил, что командующий армией оставил его специально для организации снабжения войск повстанцев хлебом и мясом, и гости убирались. Тут была доля правды, муку и мясо пару раз он отправлял в уездные городки, находившиеся в руках восставших. Как все это было ужасно! Потом пришла Красная Армия и разгромила бедных мужиков, загнав их в болота и глухие леса. Они выходили на милость власти больные, худые, обовшивевшие. Редко кого оставляли в живых, на всех лежал и дожидался жертв собранный материал, а вот брату Никифору повезло, его папка просто пропала, а новое следствие вести не захотели, дали на всякий случай десять лет и отправили пилить тайгу.

Вот и сейчас такая же тишина, и она так же обманчива. Наверное, ее нарушат не выстрелы из охотничьих ружей, а длинные речи о новой жизни, какие-то лозунги, ребятишки в классе перед собранием будут взбираться друг другу на плечи и кричать длинные речевки, это ему дочка рассказала. А что будет потом? Неужели тех мужиков, что в невыносимых условиях после войны и восстания со слезами и потом пахали запущенные пашни, молотили скудный колос и все-таки делились им с государством – неужели этих мужиков лишат хозяйств, сошлют в чужие края, а дело отдадут Синеоким? Щербаков неглупый мужик, только и он уверен, что это единственный способ спасти бедноту и поднять сельское хозяйство.

Мирон так задумался, что чуть не проскочил сверток за деревней Ивановкой, его изрядно припорошило снегом, но следы конских копыт видны, это его ребята проехали, так что надо поспешать. Когда совсем развиднелось, Мирон потерял след, метнулся влево, потом вправо и понял, что ребята ушли с дороги, потому что в тайге снега меньше и кони идут легче. «Молодцы, сообразили!». Теперь он пустил вперед собаку, и она уверенно шла по следу. Воронка, знавший повадки Трезора, от него не отставал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.